891.73K83
DB432

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY
AT URBANA-CHAMPAIGN
STACKS

Изданія общества им. Ал. Ал. Карцевскаго.

Ч. 405. Декабрь 1909.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ

и

ДВА ВЛАДЫКИ.

Цѣна 40 коп.

Къ П. Т. Членамъ Общества.

Годъ кончился. Обществу предстоятъ громадныи выплаты якъ за бумагу, печатанье изданій, переплетъ тѣхъ же и проч. и проч.

Протое просимъ всѣхъ Членовъ выровнати якъ найскорше свои рестанціи, а есть ихъ еще много,—бо до **25 тысячъ коронъ отъ 1905 по 1909 годъ**; — такъ, що еслибъ половина съ того вплынула въ кассу, Общество заспокоилобы всѣ свои текущи потребы. Потому каждый, кому только добро и благоуспѣваніе нашого народного очага лежитъ на сердци, долженъ пойти ему въ помощь исполняя хотябы долгъ якій на него яко члена возлагаетъ уставъ Общества. Всѣ то добре знаемъ, що о недостатокъ матеріяльныхъ средствъ все готово розбитися.

Дальше просимъ всѣхъ членовъ съ наступающимъ новымъ Годомъ вглянути въ уставъ Общества и застановитися чи тое що онъ на каждого влагае исполнено въ истекшемъ году, если нѣтъ такъ нужно тое пополнити въ текущемъ т. е. 1910 году.

Отъ Общества им. Мих. Качковского.

Поступайте въ члены Общества им. Михаила Качковского, Львовъ Валовая ул. ч. 14.

891.73K83
B8432

снѣ лишь простый человѣкъ, выйшовшій изъ того народа, но человѣкъ на стôлько просвѣщенный, щобы понималъ красоту поэзіи и постигъ искуство складати такіи стихотворенія-пѣсни, въ которыхъ бы ярко и чудно, вѣрно и сильно выразилась мужицкая доля и недоля.

На жаль, изъ простонародья дуже рѣдко выходятъ такіи даровитыи пѣсенники-поэты, которыи бы умѣли удачно высказати въ своихъ стихотвореніяхъ свое и народное горе и придати своей пѣснѣ такую незвычайную красоту, щобы она обратила на себе вниманіе и самого народа и образованныхъ его избранникôвъ-писателей. Изъ малорусскихъ крестьянъ-крепакôвъ выйшолъ съ такимъ талантомъ лишь одинъ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, изъ великорусского простонародья выйшло бôльше такихъ талантливыхъ крестьянъ-поэтôвъ, именно: Ѳеодоръ Никифоровичъ Слѣпушкинъ, Николай Григорьевичъ Цыгановъ Иванъ Захаровичъ Суриковъ, Спиридонъ Дмитріевичъ Дрожжинъ, Иванъ Саввичъ Никитинъ и мн. др. Всѣ они — поэты самоуки и безъ высшого образованія, складали пѣсни такъ, якъ имъ Богъ на душу положилъ и якъ позволялъ имъ ихъ природный талантъ.

Однако самымъ даровитымъ, геніальнымъ посреди всѣхъ тѣхъ поэтôвъ-самоукôвъ уважается одинъ — Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, которого 100-лѣтній юбилей рожденія отпраздновала вся великая и недѣлимая Русь якъ разъ въ нынѣшнемъ году якъ и юбилей рожденія найславнѣйшого малорусского писателя Н. В. Гоголя.

Рôвно сто лѣтъ тому назадъ — 2-го октября 1809 года, родился въ губернскôмъ городѣ Воронежѣ, въ серединнôй Россіи, въ семьѣ одного середней руки мѣщанина великоросса, Кольцова, сынъ Алексѣй, будущій найзнаменитщій поэтъ русского простонародья. Воронежское мѣщанство ничѣмъ тогда майже не рôжнилось отъ селянства, майже и сегодня не рôжнится. Отецъ поэта ледво умѣлъ читати и писати и былъ прасоломъ, значитъ, сгôнникомъ, торговалъ стадами барановъ и рогатого и нерогатого скота. Скуповуючи со всѣхъ сторонъ

скотъ для доставы въ великіи городы, ѣздилъ по селамъ, шатался по торгамъ маркамъ и возилъ съ собою и своихъ для помощи. Тому и будущій поэтъ про сызмалу молодыи лѣта не дома а постоя дорозѣ, вандруючи черезъ неизмѣримыи скіи степи. Безконечная рôвнина-роздоль ныи лѣса, синее небо, бушующіи рѣк ныи травы та пестрыи цвѣты окружали ка съ поры якъ лишь пробудилась въ не вая память. Широкая картина русской п была первою учительницею будущого венного народного пѣвца-писателя и спа отъ той душной затхлости тогдашней т забитой маломѣщанской жизни, которая убити уже въ зародышѣ и его талантъ, я вае множество другихъ подобныхъ тал Треба знати, що занятія торгаша-махл многихъ случахъ убиваютъ скорше чѣмъ другое занятіе въ человѣцѣ возвышенны ныи стремленія и чувства и дѣлаютъ его с рабомъ одной мамоны. А отецъ Кольцов но и пустился весь въ махлярскіи дрязги го рода хитрости, обманства и крутарств чика уже въ дѣтскихъ лѣтахъ сопро безпрестанныи ссоры (сварки), бôйки, онъ слухалъ со всѣхъ сторонъ проклон бу, клевету, ругань, ложь и грубыи т личныи бесѣды, и еслибы не та природа, по степи, вандрôвка по тихимъ селамъ, со своими высокими дарованіями так палъ бы середъ такой проклятой жизни го темного окруженья якъ пропадае б ство подôбныхъ ему геніевъ.

Коли ему было 9 лѣтъ отъ роду, о даль его на науку одному воронежско наристу. Мальчикъ скоро понялъ грамо нье и писанье) и поступилъ въ уѣздное вое) училище (шо то въ родѣ нашей в школы). Но былъ въ тôмъ училищѣ вс 4 мѣсяцы, ибо отецъ его, видячи, що научился читати и писати, рѣшилъ, щ науки для торгаша-сгôнника уже не взялъ его узъ училища. Всю свою жи

ьной непорочности, душевной красо
у образованного, но въ роскошахъ жію-
буйного и гордого пана. Само сельское
дарское занятіе хлѣбороба настроюе селя-
совсѣмъ иначе чѣмъ великомѣйскій шумъ,
и погоня за наживою и роскошами шиба-
ося на всѣ стороны жителя якого-нибудь
а. Нашъ сельскій народъ спокôйный, тру-
бивый, любитъ пѣсни, радъ повеселитися и
ити, терпеливо переноситъ труды и стра-
кепкуе собѣ съ бѣды. И весь великій рус-
ародъ на цѣлôмъ широкôмъ пространствѣ
й Земли отъ рѣки Тисы за Карпатами по
ку надъ Тихимъ океаномъ отзначаеся та-
ушевными свойствами.

есь тотъ народъ давно закаленный якъ
въ бѣдствіяхъ и перенесъ на своихъ пле-
ремного горя съ поконвѣка. И то вѣковое
вôйшло въ его чудную пѣсню, которая
не бывае всецѣло веселою но даже то-
ли служитъ выраженіемъ найбôльшей, не-
мой радости, где-то на днѣ еи чути сла-
тку затаенного смутку и печали. Даже
коломыйка", якая она веселая, а все таки,
неи долше вслухуватися, то можно пôй-
абыи звуки смутку и тоски. И всѣ рус-
родныи пѣсни сумны. Полны той безъ-
й тоски и глубокой печали и давніи ко-
думы и весѣльныи пѣсни и историческіи
про напады татаръ и турокъ и старинныи
(пѣсни про старую доисторичную и кня-
бывальщину), которыи еще до нынѣ
ть великоруссы на далекôмъ сѣверѣ
Петербурга и Москвы, и даже тѣ косар-
сни, которыи спѣваютъ наши легени въ
ь сѣножатахъ, часто своею сумною мело-
оминаютъ такіи сумныи старинныи ко-
думы.

о тому за причина?

ичиною того смутку безмежное горе и
ётнее страданіе русского народа, кото-
ылились въ его пѣсняхъ. Русскій народъ
всякого рода неволю, рабство, понижe-
овалъ, отробляючи всякого рода пан-
ревѣрялся въ чужôмъ ярмѣ. Но кромѣ

сего горя сюда присоединилось и що-то такое, що у другихъ народовъ такъ ярко не могло выступити, якъ у насъ. Таки и сама русская природа внесла свою великую часть смутку въ наши думы и пѣсни. Уже то ніякъ не можно назвати простою случайностію, що, напримѣръ, жители гôръ, зеленой верховины и вообще нерôвныхъ и рôзнообразныхъ мѣстностей отличаются бôльше веселымъ нравомъ (норовомъ) та и пѣсни складаютъ веселыи та приграваютъ весело. Вотъ возьмемъ хоть бы нашихъ гуцулôвъ. Кто не знае, якіи они весельчаки въ порôвнанью съ жителями Подоліи? У нихъ зародилась и процвитае коломыйка, дрôбный, дуже сложный и трудный съ присядкою танецъ, и коломыйка, музыка и пѣсня, которая считаеся найвеселѣйшею изъ всѣхъ нашихъ галицко-русскихъ пѣсенъ и жарты и такое инное. Се уже зависитъ отъ гôрской, рознообразной природы, среди которой гуцулы живутъ. А вотъ возьмемъ русскіи народныи пѣсни, которыи спѣвае русскій простый народъ на Украинѣ, на широкихъ, рôвныхъ, необозримыхъ, безлѣсныхъ степахъ. Якіи они — тѣ пѣсни, всѣ протяжныи, сумныи, величаво-поважныи и сильныи и широкіи якъ вся та безкрайная степь! Всѣ тѣ пѣсни и въ старину и теперь называются „думами", ибо справдѣ своимъ глубокимъ смысломъ и сумнымъ тономъ и тайною силою наводятъ на спѣвака и на слушателей невеселую задуму, тоску, жаль. И сему также способствуе русская степная природа, такъ що въ такôй пѣснѣ-думѣ, будто чути, якъ протяжно вѣе-звывае издалека степный вѣтеръ, причуваеся шумъ волнующейся якъ море высокой травы-ковыля и гукъ бунтующей великой рѣки Днѣпра чи Днѣстра и тоска за чѣмъ-то далекимъ, утраченнымъ на вѣки и страстное желаніе вырватися въ ту широкую степь, перелетѣти еи быстрымъ соколомъ и дôбратися до еи края, узнати, що есть за нею. Вотъ що заключаеся въ тôй думѣ и вотъ чому-то степныи пѣсни невеселы.

Все-жъ таки, якъ сказано, найбôльше сложилось пережитого мужицкого горя и слёзъ на скорбь и тугу нашихъ народныхъ пѣсенъ. А то горе и тѣ слёзы може удачно выразити въ пѣ-

моральной непорочности, душевной красоты чѣмъ у образованного, но въ роскошахъ жіющого, буйного и гордого пана. Само сельское господарское занятіе хлѣбороба настроюе селянина совсѣмъ иначе чѣмъ великомѣйскій шумъ, суета и погоня за наживою и роскошами шибающогося на всѣ стороны жителя якого-нибудь города. Нашъ сельскій народъ спокойный, трудолюбивый, любитъ пѣсни, радъ повеселитися и пошутити, терпеливо переноситъ труды и страданія, кепкуе собѣ съ бѣды. И весь великій русскій народъ на цѣлôмъ широкôмъ пространствѣ Русской Земли отъ рѣки Тисы за Карпатами по Камчатку надъ Тихимъ океаномъ отзначаеся такими душевными свойствами.

Весь тотъ народъ давно закаленный якъ сталь въ бѣдствіяхъ и перенесъ на своихъ плечахъ премного горя съ поконвѣка. И то вѣковое горе ввôйшло въ его чудную пѣсню, которая николи не бывае всецѣло веселою но даже тогды, коли служитъ выраженіемъ найбôльшей, неудержимой радости, где-то на днѣ еи чути слабую нотку затаенного смутку и печали. Даже наша „коломыйка", якая она веселая, а все таки, если въ неи долше вслухуватися, то можно пôймати слабыи звуки смутку и тоски. И всѣ русскіи народныи пѣсни сумны. Полны той безъутѣшной тоски и глубокой печали и давніи козацкіи думы и весѣльныи пѣсни и историческіи пѣсни про напады татаръ и турокъ и старинныи былины (пѣсни про старую доисторичную и княжескую бывальщину), которыи еще до нынѣ спѣваютъ великоруссы на далекôмъ сѣверѣ дальше Петербурга и Москвы, и даже тѣ косарскіи пѣсни, которыи спѣваютъ наши легени въ зеленыхъ сѣножатахъ, часто своею сумною мелодію напоминаютъ такіи сумныи старинныи козацкіи думы.

Що тому за причина?

Причиною того смутку безмежное горе и тысячелѣтнее страданіе русского народа, которыи и вылились въ его пѣсняхъ. Русскій народъ терпѣлъ всякого рода неволю, рабство, пониженье, бѣдовалъ, отробляючи всякого рода панщину, поневѣрялся въ чужôмъ ярмѣ. Но кромѣ

сего горя сюда присоединилось и що-то та
що у другихъ народовъ такъ ярко не могло
ступити, якъ у насъ. Таки и сама русская
рода внесла свою великую часть смутку въ
ши думы и пѣсни. Уже то ніякъ не можно
звати простою случайностію, що, наприм
жители гôръ, зеленой верховины и вообще
рôвныхъ и рôзнообразныхъ мѣстностей от
ются бôльше веселымъ нравомъ (норовомъ
и пѣсни складаютъ веселыи та приграваютъ
село. Вотъ возьмемъ хоть бы нашихъ гуцу
Кто не знае, якіи они весельчаки въ порôвн
съ жителями Подоліи? У нихъ зародил
процвитае коломыйка, дрôбный, дуже сло
и трудный съ присядкою танецъ, и колом
музыка и пѣсня, которая считаеся найвес
шею изъ всѣхъ нашихъ галицко-русскихъ п
и жарты и такое инное. Се уже зависитъ
гôрской, рознообразной природы, среди ко
гуцулы живутъ. А вотъ возьмемъ русскіи
ныи пѣсни, которыи спѣвае русскій прост
родъ на Украинѣ, на широкихъ, рôвныхъ,
бозримыхъ, безлѣсныхъ степахъ. Якіи они
пѣсни, всѣ протяжныи, сумныи, величаво-
ныи и сильныи и широкіи якъ вся та безк
степь! Всѣ тѣ пѣсни и въ старину и тепе
зываются „думами", ибо справдѣ своимъ
кимъ смысломъ и сумнымъ тономъ и тайн
лою наводятъ на спѣвака и на слушателе
селую задуму, тоску, жаль. И сему также
собствуе русская степная природа, такъ
такôй пѣснѣ-думѣ, будто чути, якъ протяж
завывае издалека степный вѣтеръ, при
шумъ волнующейся якъ море высокой
ковыля и гукъ бунтующей великой рѣки
чи Днѣстра и тоска за чѣмъ-то далекимъ
ченнымъ на вѣки и страстное желаніе вы
въ ту широкую степь, перелетѣти еи бы
соколомъ и дôбратися до еи края, узнат
есть за нею. Вотъ що заключаеся въ тôй
и вотъ чому-то степныи пѣсни невеселы.

Все-жъ таки, якъ сказано, найбôльш
жилось пережитого мужицкого горя и сл
скорбь и тугу нашихъ народныхъ пѣсенъ
горе и тѣ слёзы може удачно выразити

К 83
Ж 41.32

Жизнь и произведенія
АЛЕКСѢЯ ВАСИЛЬЕВИЧА КОЛЬЦОВА.

Въ изданной сего года (1909) Обществомъ им. М. Качковского за мѣсяцъ іюнь моей книжечцѣ: „Н. В. Гоголь" было сказано на сторонѣ 11—12 такъ: „И часто бывае у насъ въ жизни такъ, що хорошіи, благородныи чувства и думы пробуждаются въ насъ, коли мы що-то прекрасное видимъ или слухаемъ или чувствуемъ, и въ такіи минуты мы дуже желали бы собѣ, кобы то найшолся такій искусный мастеръ, такій ловкій знатокъ нашихъ думъ и нашего сердца, который бы тѣ чувства якось выразилъ, чи въ музыцѣ, чи намалёвалъ ихъ на картинѣ, чи высказалъ словами такъ правдиво, щобы мы, слухаючи, чи читаючи то, сказали: Се правда! Такъ зôправды человѣкъ чувствуе и думае — се я самъ! Мы бы такого человѣка, такого мастера, такого творца, дуже полюбили, мы бы уважали его нашимъ учителемъ, нашимъ вѣщуномъ пророкомъ, который умѣе отгадувати человѣческое сердце, найтайнѣйшіи, но притôмъ и найкрасшіи, найблагороднѣйшіи мысли. И мы бы сказали, що то великій мастеръ, незвычайный человѣкъ."

Много у простого русского народа есть прекрасныхъ душевныхъ свойствъ, благородныхъ порывôвъ, возвышенныхъ чувствъ. У простого русского селянина, мирно живущого середъ окружающей его прекрасной, свѣжей природы, занимающогося съ молоду милымъ земледѣліемъ, ведущого праведное житье, часто бывае бôльше

лишь простый человѣкъ, выйшовшій изъ
о народа, но человѣкъ на стôлько просвѣщен-
й, щобы понималъ красоту поэзіи и постигъ
уство складати такіи стихотворенія-пѣсни, въ
орыхъ бы ярко и чудно, вѣрно и сильно вы-
илась мужицкая доля и недоля.

На жаль, изъ простонародья дуже рѣдко
одятъ такіи даровитыи пѣсенники-поэты, ко-
ым бы умѣли удачно высказати въ своихъ
хотвореніяхъ свое и народное горе и придати
ей пѣснѣ такую незвычайную красоту, щобы
обратила на себе вниманіе и самого народа
образованныхъ его избранникôвъ-писателей.
ь малорусскихъ крестьянъ-крепакôвъ выйшолъ
такимъ талантомъ лишь одинъ Тарасъ Григо-
вичъ Шевченко, изъ великорусского просто-
родья выйшло бôльше такихъ талантливыхъ
естьянъ-поэтôвъ, именно: Ѳеодоръ Никифоро-
ъ Слѣпушкинъ, Николай Григорьевичъ Цыга-
въ Иванъ Захаровичъ Суриковъ, Спиридонъ
итріевичъ Дрожжинъ, Иванъ Саввичъ Ни-
инъ и мн. др. Всѣ они — поэты самоу-
и безъ высшого образованія, складали пѣ-
такъ, якъ имъ Богъ на душу положилъ и
позволялъ имъ ихъ природный талантъ.

Однако самымъ даровитымъ, геніальнымъ
реди всѣхъ тѣхъ поэтôвъ-самоукôвъ уважае-
одинъ — Алексѣй Васильевичъ К о л ь ц о в ъ,
орого 100-лѣтній юбилей рожденія отпразд-
вала вся великая и недѣлимая Русь якъ разъ
нынѣшнемъ году якъ и юбилей рожденія най-
внѣйшого малорусского писателя Н. В. Го-
я.

Рôвно сто лѣтъ тому назадъ — 2-го октя-
1809 года, родился въ губернскôмъ городѣ
ронежѣ, въ серединнôй Россіи, въ семьѣ од-
о середней руки мѣщанина великоросса,
льцова, сынъ Алексѣй, будущій найзнаменит-
і поэтъ русского простонародья. Воронеж-
е мѣщанство ничѣмъ тогда майже не рôжни-
ь отъ селянства, майже и сегодня не рôж-
ся. Отецъ поэта ледво умѣлъ читати и писа-
и былъ прасоломъ, значитъ, сгôнникомъ,
говалъ стадами барановъ и рогатого и неро-
ого скота. Скуповуючи со всѣхъ сторонъ

скотъ для доставы въ великіи городы, вѣчно
ѣздилъ по селамъ, шатался по торгамъ и яр-
маркамъ и возилъ съ собою и своихъ дѣтей
для помощи. Тому и будущій поэтъ проводилъ
сызмалу молодыи лѣта не дома а постоянно въ
дорозѣ, вандруючи черезъ неизмѣримыи украин-
скіи степи. Безконечная рôвнина-роздолье, зеле-
ныи лѣса, синее небо, бушующіи рѣки, зеле-
ныи травы та пестрыи цвѣты окружали мальчи-
ка съ поры якъ лишь пробудилась въ немъ пер-
вая память. Широкая картина русской природы
была первою учительницею будущого вдохно-
венного народного пѣвца-писателя и спасла его
отъ той душной затхлости тогдашней темной и
забитой маломѣщанской жизни, которая могла
убити уже въ зародышѣ и его талантъ, якъ уби-
вае множество другихъ подобныхъ талантôвъ.
Треба знати, що занятія торгаша-махляра въ
многихъ случахъ убиваютъ скорше чѣмъ всякое
другое занятіе въ человѣцѣ возвышенныи душев-
ныи стремленія и чувства и дѣлаютъ его слѣпымъ
рабомъ одной мамоны. А отецъ Кольцова имен-
но и пустился весь въ махлярскіи дрязги, всяко-
го рода хитрости обманства и крутарства. Маль-
чика уже въ дѣтскихъ лѣтахъ сопровождали
безпрестанныи ссоры (сварки), бôйки, кривды;
онъ слухалъ со всѣхъ сторонъ проклоны, бож-
бу, клевету, ругань, ложь и грубыи та непри-
личныи бесѣды, и еслибы не та природа, не ѣзда
по степи, вандрôвка по тихимъ селамъ, то онъ
со своими высокими дарованіями такъ и про-
палъ бы середъ такой проклятой жизни и тако-
го темного окруженья якъ пропадае большин-
ство подôбныхъ ему геніевъ.

Коли ему было 9 лѣтъ отъ роду, отецъ от-
далъ его на науку одному воронежскому семи-
наристу. Мальчикъ скоро понялъ грамоту (чита-
нье и писанье) и поступилъ въ уѣздное (повѣто-
вое) училище (що то въ родѣ нашей выдѣловой
школы). Но былъ въ тôмъ училищѣ всего лишь
4 мѣсяцы, ибо отецъ его, видячи, що сынъ уже
научился читати и писати, рѣшилъ, що высшей
науки для торгаша-сгôнника уже не потреба и
взялъ его узъ училища. Всю свою жизнь Алек-

сѣй Васильевичъ горько жаловался на тотъ поступокъ своего отца. По той причинѣ поэтъ, не получивши хотя бы середного образованья остался и чувствовалъ себе всегда недоукомъ. Онъ до смерти не мôгъ собѣ усвоити русского правописанія, а каждый разъ, коли попадалъ потôмъ яко талантливый поэтъ въ кругъ интелигентныхъ и образованныхъ людей, стѣснялся, сознавалъ недостатокъ и нетвердôсть своихъ знаній, стыдался и боялся запу катися въ откровенный розговоръ, щобы надъ его невѣжествомъ не смѣялись.

Видимъ отже, що школа не дала Кольцову майже ничого. За то ему дала многое охота къ чтенію хорошихъ книжокъ. Алексѣй Васильевичъ страстно желалъ за всякую цѣну якимъ нибудь другимъ способомъ дополнити свое образованіе и всѣ свои скудныи доходы тратилъ на покупку полезныхъ поучительныхъ книжекъ. Сначала зачитывался весь въ старинныхъ русскихъ сказкахъ и повѣстяхъ, якъ нпр. о Бовѣ королевичѣ, о Ерусланѣ Лазаревичѣ и др. Тѣ сказки и повѣсти сильно образовали его молодую фантазію. Онъ и самъ пробовалъ составляти подôбныи сказки и повѣсти, но то ему не удавалося.

Впрочемъ и невозможно было ему, парубку купеческому сыну, всецѣло отдатися такому писательскому занятію. Отецъ заставилъ его исполняти роботы сгôнщика, постоянно посылалъ его на ярмарки та на села; приходилось парню цѣлыми днями та ночами пропадати въ степи, пасучи на ней стада баранôвъ и волôвъ, ночевати въ чистôмъ полѣ, подъ открытымъ небомъ на сырôй землѣ, пôдстылаючи и укрываючись одною кожушиною, ѣздити лѣсами. И Кольцовъ дуже полюбилъ красоту степей, ихъ безграничный просторъ, и вся русская природа сильно подѣйствовала на воспріемчивого парубка, и то выразилось потôмъ наглядно въ его стихотвореніяхъ. Онъ любилъ вечерами сидѣти съ товарищами въ кругу и грѣтись передъ пылающимъ огнемъ, розложеннымъ середъ безкрайной степи, дивитися ясною ночію на спокôйный сводъ тем-

но синего неба, усѣянного безчисленнымъ мно жествомъ часто моргающихъ звѣздъ, вдыхуват запахъ степныхъ цвѣтôвъ и травъ, слухати ще бету та крику степныхъ птицъ, любоватись про тяжно-сумнымъ спѣвомъ парубкôвъ-пѣсенникôвъ Тутъ, въ сей чарующей степи и пробудился в немъ дивный поэтическій даръ, загорѣлась бле скомъ-пламенемъ та тайная искра божественно го вдохновенія, которая сдѣлала его на вѣк безсмертнымъ.

Уже на 16 омъ году жизни Алексѣй Васи льевичъ сталъ писати стихотворенія, которы однако выходили слабыми и неудачными. Моло дая душа, полная жизненности и благородных порывôвъ, хотѣла высказатись и восхвалити пѣ снею красоту Божого свѣта, но не умѣла и н было где ей научитись. Онъ дружился съ од имъ ровесникомъ, сыномъ богатого воронежско го купца и получалъ отъ него много прекра сныхъ книжокъ на общерусскôмъ языцѣ. В тѣхъ книжкахъ уже не были сказки а настоя щіи, знаменитыи романы, которыми парубокъ самоучка, просто, не мôгъ нарадуватися. Н дружба продолжалась коротко: ровесникъ-друг вскорѣ простудился и умеръ Кольцовъ лишил ся даже той единой живой и сочувственно души.

Разъ ему удалось въ книжной лавцѣ в Воронежѣ дôстати сочиненія широко извѣстно го тогды русского поэта Ивана Иван. Дмитрі ва. То была книжка съ розличными стихотвор ніями, Кольцовъ о стихахъ не имѣлъ еще ніяк го понятія и майже не розумѣлъ ихъ. Но од обстоятельство сильно его при ихъ читан заинтересовало, именно то, що стихотворе своимъ правильнымъ складомъ, строго выде жаннымъ розмѣромъ и одинаково повторяющи ся тактомъ въ удареніи слôвъ (о удареніи см три мою „Грамматику русского литературно языка" стр. 8—10) дуже подôбны до пѣсень отзначаются пріятною мелодіею и красото склада То поверховное сходство стихотворен съ пѣснями глубоко его застановило и онъ р шилъ мысленно, що стихи не можна читати як

ей Васильевичъ горько жаловался на тотъ по-
упокъ своего отца. По той причинѣ поэтъ, не
олучивши хотя бы середного образованья о-
ался и чувствовалъ себе всегда недоукомъ.
нъ, до смерти не мôгъ собѣ усвоити русского
равописанія, а каждый разъ, коли попадалъ
отôмъ яко талантливый поэтъ въ кругъ инте-
игентныхъ и образованныхъ людей, стѣснялся,
знавалъ недостатокъ и нетвердôсть своихъ
аній, стыдался и боялся запу катися въ от-
ровенный розговоръ, щобы надъ его невѣже-
вомъ не смѣялись.

Видимъ отже, що школа не дала Кольцову
йже ничого. За то ему дала многое охота къ
енію хорошихъ книжокъ. Алексѣй Васильевичъ
растно желалъ за всякую цѣну якимъ нибудь
угимъ способомъ дополнити свое образованіе
всѣ свои скудныи доходы тратилъ на покупку
лезныхъ поучительныхъ книжекъ. Сначала за-
тывался весь въ старинныхъ русскихъ сказ-
хъ и повѣстяхъ, якъ нпр. о Бовѣ королевичѣ,
Еруcланѣ Лазаревичѣ и др. Тѣ сказки и повѣ-
и сильно образовали его молодую фантазію.
ъ и самъ пробовалъ составляти подôбныи
азки и повѣсти; но то ему не удавалося.

Впрочемъ и невозможно было ему, парубку.
печескому сыну, всецѣло отдатися такому пи-
тельскому занятію. Отецъ заставилъ его ис-
лняти роботы сгôнщика, постоянно посылалъ
на ярмарки та на села; приходилось парню
лыми днями та ночами пропадаги въ степи,
учи на ней стада баранôвъ и волôвъ, ночева-
въ чистôмъ полѣ, подъ открытымъ небомъ на
рôй землѣ, пôдстылаючи и укрываючись од-
о кожушиною, ѣздити лѣсами. И Кольцовъ
ке полюбилъ красоту степей, ихъ безграниц-
й просторъ, и вся русская природа сильно
цѣйствовала на воспріемчивого парубка, и то
разилось потôмъ наглядно въ его стихотво-
іяхъ. Онъ любилъ вечерами сидѣти съ това-
дами въ кругу и грѣтись передъ пылающимъ
емъ, розложеннымъ середъ безкрайной степи,
зитися ясною ночію на спокôйный сводъ тем-

но синего неба, усѣянного безчисленнымъ мно-
жествомъ часто моргающихъ звѣздъ, вдыхувати
запахъ степныхъ цвѣтôвъ и травъ, слухати ще-
бету та крику степныхъ птицъ, любоватись про-
тяжно-сумнымъ спѣвомъ парубкôвъ-пѣсенникôвъ.
Тутъ, въ сей чарующей степи и пробудился въ
немъ дивный поэтическій даръ, загорѣлась бле-
скомъ-пламенемъ та тайная искра божественно-
го вдохновенія, которая сдѣлала его на вѣки
безсмертнымъ.

Уже на 16-омъ году жизни Алексѣй Васи-
льевичъ сталъ писати стихотворенія, которыи
однако выходили слабыми и неудачными. Мо-
лодая душа, полная жизненности и благородныхъ
порывôвъ, хотѣла высказатись и восхвалити пѣ-
снею красоту Божого свѣта, но не умѣла и не
было где ей научитись. Онъ дружился съ од-
имъ ровесникомъ, сыномъ богатого воронежско-
го купца и получалъ отъ него много прекра-
сныхъ книжокъ на общерусскôмъ языцѣ. Въ
тѣхъ книжкахъ уже не были сказки а настоя-
щіи, знаменитыи романы, которыми парубокъ-
самоучка, просто, не мôгъ нарадуватися. Но
дружба продолжалась коротко: ровесникъ-другъ
вскорѣ простудился и умеръ. Кольцовъ лишил-
ся даже той единой живой и сочувственной
души.

Разъ ему удалось въ книжной лавцѣ въ
Воронежѣ дôстати сочиненія широко извѣстно-
го тогды русского поэта Ивана Иван. Дмитріе-
ва. То была книжка съ розличными стихотворе-
ніями. Кольцовъ о стихахъ не имѣлъ еще ніяко-
го понятія и майже не розумѣлъ ихъ. Но одно
обстоятельство сильно его при ихъ читанью
заинтересовало, именно то, що стихотворенія
своимъ правильнымъ складомъ, строго выдер-
жаннымъ розмѣромъ и одинаково повторяющим-
ся тактомъ въ удареніи слôвъ (о удареніи смо-
три мою „Грамматику русского литературного
языка“ стр. 8—10) дуже подôбны до пѣсенъ и
отзначаются пріятною мелодіею и красотою
склада. То поверховное сходство стихотвореній
съ пѣснями глубоко его застановило и онъ рѣ-
шилъ мысленно, що стихи не можна читати якъ

звычайную рѣчь (бесѣду), но належитъ ихъ спѣвати якъ пѣсню. Такъ на радостяхъ и переспѣвалъ всю книжку И. И. Дмитріева. Ему конечно захотѣлося и собѣ попробовати що то подобное написати стихами и темою (предметомъ) для стихотворенія послужилъ ему дивный сонъ; который приснился его пріятелю три ночи подрядъ. И вотъ Кольцовъ описалъ тотъ сонъ въ предолгомъ, но неудачномъ, тяжеловатомъ стихотвореніи подъ заголовкомъ „Три видѣнія". Познѣйше поэтъ самъ назвалъ то свое стихотвореніе „пречудовищною" пѣснею и собственноручно спалилъ. То была первая его писательская проба. Съ тою поэмою пойшолъ Кольцовъ до воронежского книгопродавца (книгарника), щобы оцѣнилъ еи и далъ указанія, якъ належитъ писати стихотворенія, думаючи, що тотъ, кто торгуе книжками, долженъ бы знати и толкъ въ нихъ. Книгопродавецъ былъ также не образованный, но притомъ не глупый, добрый и честный человѣкъ. Онъ, прочитавши стихотвореніе, сказалъ Алексѣю Васильевичу, що ему сдася, що оно написано неудачно, но чому неудачно, того и самъ сказати не може, но що у него, въ книжной лавцѣ есть такая книжка, которая учитъ, якъ належитъ слагати стихи такъ, щобы въ нихъ выходилъ и тактъ и правильность и одинаковый ихъ розмѣръ, якъ въ пѣсняхъ. И онъ подарилъ Алексѣю Васильевичу ту книжку. Въ той книжцѣ, Кольцову сдавалося, що открылся для него новый свѣтъ. Она въ первый разъ показала ему всю красоту и силу поэзіи. Онъ началъ описывати въ стихахъ все, що волновало его молодую душу, радость, тугу и скорбь первой юности.

Якъ разъ въ то время въ его жизни случился рѣшительный переворотъ, который до смерти запечатлѣлся тяжкою раною въ его сердцѣ. Въ домѣ отца служила тогда наймычкою одна убогая, молодая и красивая селянская дѣвчина. Парубокъ скоро влюбидся въ ню и рѣшилъ съ нею оженитися. Но отецъ его, уважаючи себе заможнымъ купцемъ, не могъ ніякъ по-

годитися съ гадкою, щобы его сынъ побр
съ убогою служанкою и постановилъ ихъ
сильно розлучити. Разъ, отправивши сын
далекую подорожь на ярмарки, продалъ
постную наймычку одному пану въ другую
бернію (тогда еще въ Россіи всѣ селяне б
крѣпостными, т. е. панщизняными людьми)
нею слѣдъ пропалъ. Алексѣй Васильевичъ,
нувшись домой и узнавши о томъ, былъ як
громомъ ошеломленный. Се былъ другій же
кій надъ нимъ поступокъ его отца, который
мѣ погони за мамоною, наживою и цыганств
ничого не признавалъ на свѣтѣ. Та первая,
счастная любовь глубоко запала въ душу А
сѣя Васильевича и онъ въ многихъ стихотв
ніяхъ старался еи выразити. Переполненная
тымъ чувствомъ, тяжкими думами, великою
чалью его юная душа выливалася въ чист
вдохновенныхъ, поэтическихъ звукахъ и въ
гательныхъ, пророческихъ словахъ, и его лю
ная простая пѣсня выходила теперь изъ
недосвѣдченного пера поэта-самоучки чарую
чудною и величественною.

Молодый поэтъ находилъ въ той тр
тельной и величавой пѣснѣ успокоеніе св
тяжкому горю; онъ самъ былъ нею доволе
любовалися тою пѣснею другіи, которымъ
давалъ еи читати. Однако печатати и выпус
свои милыи пѣсни въ широкій свѣтъ Коль
боялся. Они сдавались ему занадто прост
та чувствуючи недостатокъ образованія, п
не довѣрялъ самому собѣ, не сознавалъ, що
ничого такого изрядного написати, щобы оно
ло на ровнѣ съ стихотвореніями славныхъ
товъ, и що пише по простонародному такі
сенки, якіи складае и спѣвае простый сел
народъ, которыи по его мнѣнію, не предст
ютъ ніякой стоимости. Вскорѣ однако пер
нилъ свой взглядъ. Однажды попали ему в
ки произведенія возлюбленныхъ тогда по
Ник. Григ. Цыганова, професора москов
университета Алексѣя Ѳедор. Мерзляко
барона Антона Антоневича Дельвига. То
также такіи же простыи стихотворенія - п

звычайную рѣчь (бесѣду), но належитъ ихъ спѣвати якъ пѣсню. Такъ на радостяхъ и переспѣвалъ всю книжку И. И. Дмитріева. Ему конечно захотѣлося и собѣ попробовати що то подôбное написати стихами и темою (предметомъ) для стихотворенія послужилъ ему дивный сонъ; который приснился его пріятелю три ночи пôдъ-рядъ. И вотъ Кольцовъ описалъ тотъ сонъ въ предолгôмъ, но неудачнôмъ, тяжеловатôмъ стихотвореніи пôдъ заголовкомъ „Три видѣнія". Пôзнѣйше поэтъ самъ назвалъ то свое стихотвореніе „пречудовищною" пѣснею и собственноручно спалилъ. То была первая его писательская проба. Съ тою поэмою пôйшолъ Кольцовъ до воронежского книгопродавца (книгарника), щобы оцѣнилъ еи и далъ указанія, якъ належитъ писати стихотворенія, думаючи, що тотъ, кто торгуе книжками, долженъ бы знати и толкъ въ нихъ. Книгопродавецъ былъ также не обрадованный, но притôмъ не глупый, добрый и честный человѣкъ. Онъ, прочитавши стихотвореніе, сказалъ Алексѣю Васильевичу, що ему сдалося, що оно написано неудачно, но чому неудачно, того и самъ сказати не може, но що у него, въ книжнôй лавцѣ есть такая книжка, которая учитъ, якъ належитъ слагати стихи такъ, щобы въ нихъ выходилъ и тактъ и правильнôсть и одинаковый ихъ розмѣръ, якъ въ пѣсняхъ. И онъ оподарилъ Алексѣю Васильевичу ту книжку. Въ той книжцѣ Кольцову сдавалося, що открылся для него новый свѣтъ. Она въ первый разъ показала ему всю красоту и силу поэзіи. Онъ началъ описывати въ стихахъ все, що волновало его молодую душу, радость, тугу и скорбь первой юности.

Якъ разъ въ то время въ его жизни случился рѣшительный переворотъ, который до смерти запечатлѣлся тяжкою раною въ его сердцѣ. Въ домѣ отца служила тогда наймычкою одна убогая, молодая и красивая селянская дѣвчина. Парубокъ скоро влюбидся въ ню и рѣшилъ съ нею оженитися. Но отецъ его, уважаючи себе заможнымъ купцемъ, не мôгъ ніякъ по-

годитися съ гадкою, щобы его сынъ пôбрался съ убогою служанкою и постановилъ ихъ насильно розлучити. Разъ, отправивши сына въ далекую подорожь на ярмарки, продалъ крѣпостную наймычку одному пану въ другую губернію (тогда еще въ Россіи всѣ селяне были крѣпостными, т. е. панщизняными людьми) и за нею слѣдъ пропалъ. Алексѣй Васильевичъ, вернувшись домой и узнавши о тôмъ, былъ якъ-бы громомъ ошеломленный. Се былъ другій жестокій надъ нимъ поступокъ его отца, который кромѣ погони за мамоною, наживою и цыганствомъ ничого не признавалъ на свѣтѣ. Та первая, несчастная любовь глубоко запала въ душу Алексѣя Васильевича и онъ въ многихъ стихотвореніяхъ старался еи выразити. Переполненная святымъ чувствомъ, тяжкими думами, великою печалью его юная душа выливалася въ чистыхъ, вдохновенныхъ, поэтическихъ звукахъ и въ трогательныхъ, пророческихъ словахъ, и его любовная простая пѣсня выходила теперь изъ-пôдъ недосвѣдченного пера поэта-самоучки чарующею чудною и величественною.

Молодый поэтъ находилъ въ тôй трогательнôй и величавôй пѣснѣ успокоеніе своему тяжкому горю; онъ самъ былъ нею доволенъ и любовалися тою пѣснею другіи, которымъ онъ давалъ еи читати. Однако печатати и выпускати свои милыи пѣсни въ широкій свѣтъ Кольцовъ боялся. Они сдавались ему занадто простыми, та чувствуючи недостатокъ образованія, поэтъ не довѣрялъ самому собѣ, не сознавалъ, що може ничого такого изрядного написати, щобы оно стало на рôвнѣ съ стихотвореніями славныхъ поэтôвъ, и що пише по простонародному такіи пѣсенки, якіи складае и спѣвае простый сельскій народъ, которыи по его мнѣнію, не представляютъ ніякой стоимости. Вскорѣ однако перемѣнилъ свой взглядъ. Однажды попали ему въ руки произведенія возлюбленныхъ тогда поэтовъ Ник. Григ. Цыганова, професора московского университета Алексѣя Ѳедор. Мерзлякова и барона Антона Антоневича Дельвига. То были также такіи же простыи стихотворенія-пѣсни,

якіи складае непросвѣщенный сельскій народъ. Кольцовъ прочитавши ихъ, сталъ догадыватися, що и въ такихъ простонародныхъ пѣсняхъ должна бы заключатися якая-то тайная сила, особливая красота, если такіи паны, якъ професоръ Мерзляковъ и баронъ Дельвигъ стараются такіи пѣсни у простонародья перенимати и также имъ подобныи складати.

Якъ разъ въ ту пору на помочь ему въ такихъ догадкахъ и сомнѣніяхъ прійшло знакомство съ двома уже образованными людьми: одинъ изъ нихъ, А. П. Серебрянскій, былъ студентомъ воронежской духовной семинаріи, самъ писалъ хорошіи стихотворенія и былъ оттеперь руководителемъ Кольцова въ его стихотворныхъ занятіяхъ, другій Николай Владиміровичъ Станкевичъ, сынъ помѣщика воронежской губерніи и студентъ московского университета, пріѣзжалъ всегда лѣтомъ на каникулы (вакаціи) въ Воронежъ и заопѣковался образованіемъ Кольцова.

В корѣ послѣ заведенія того знакомства Кольцову прійшлось быти въ старопрестольной Москвѣ. Именно его отецъ по причинѣ всякихъ торговыхъ сдѣлокъ безпрестанно тягался съ другими сгонниками и торговцами скотомъ по судамъ и иногда процессъ рѣшался въ найвысшихъ инстанціяхъ въ Москвѣ и въ Петербурзѣ. Въ такихъ случаяхъ онъ отправлялъ туда на судебное розбирательство (росправу) сына. Пріѣхавши въ Москву, Алексѣй Васильевичъ уже тамъ сойшолся съ своимъ знакомымъ и другомъ Н. В. Станкевичемъ, который выбралъ изъ его стихотвореній найлучшихъ 18 отрывковъ и издалъ ихъ тамъ печатно въ особной книжечцѣ. Тѣ стихотворенія приняло все образованное столичное общество съ великими похвалами для поэта-самоучки; въ нихъ уже увидѣли правдивый и сильный талантъ. Такую хорошую славу за Кольцовымъ утвердилъ особливо его новый знакомецъ въ Москвѣ, найбольшій тогдашній русскій критикъ В. Г. Бѣлинскій. (О немъ смотри мою статью въ Календарѣ Общества им. М. Качковского на 1910 г. стр 351—357 п. з. „Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій“).

А уже жъ цѣлковитый переворотъ въ жи
и въ воззрѣніяхъ крестьянина-поэта вызвало
пребываніе въ 1836 г. въ столицѣ Россіи въ
тербурзѣ. Тутъ его познакомили съ такими
дающимися русскими поэтами, якъ В. А. Жук
скій, П. А. Плетневъ, И. С. Тургеневъ, князь
И. Одоевскій, князь П. А. Вяземскій и др.
особенно сильное впечатлѣніе осталось въ
памяти отъ знакомства съ найбольшимъ поэт
всей Руси, которого онъ готовился съ трепет
увидѣти — Александромъ Сергѣевичемъ Пу
нымъ. О той торжественной минутѣ встрѣч
тѣмъ найзнаменитшимъ русскимъ геніемъ К
цовъ не могъ позабыти до смерти. Но моло
поэтъ чувствовалъ себе, помимо ласкъ и похв
якими осыпали его всѣ тѣ высокодостой
особы, въ ихъ присутствіи неловко. Онъ все
съ превеликимъ жалемъ, памяталъ о томъ,
ему за молоду не довелось ни скончити я
нибудь школы ни пополнити другимъ способ
свое образованіе, тому все стыдался передъ
разованными людьми и боялся уронити яко
неумѣстное слово, показующее его невѣже
За то больше молчалъ и прилѣжно смотрѣл
всѣми и всѣмъ, щобы хоть такъ чому-нибуд
учитись. Писатель И. С Тургеневъ, вспомина
о вечерахъ, которыи проводили петербугскі
сатели у своего товарища по перу Плетнева,
отзываеся о Кольцовѣ: „Въ комнатѣ наход
межи нами еще одинъ человѣкъ. Онъ си
скромно въ углу, подобравши подъ себе но
рѣдко покашлювалъ (его уже въ то время
ла чахотка, т. е. сухоты), закрываючи рукок
бы. Онъ глядѣлъ кругомъ троха боязли
уважно прислуховался. Въ его очахъ свѣт
незвычайный умъ, но лице его было про
русское... То былъ Кольцовъ... Плетневъ на
его просити, щобы онъ намъ прочиталъ одну
хорошую „думу“, но онъ завстыдался и
смѣшался, що мы перестали на то настоюс
Я поздно вечеромъ выйшолъ разомъ съ н
взялъ его въ свои сани. Онъ садился, всю
гу кашлялъ и кутался въ свой старый ко
По дорозѣ я его и пытаю, чому намъ не х

якіи складае непросвѣщенный сельскій народъ. Кольцовъ прочитавши ихъ, сталъ догадыватися, що и въ такихъ простонародныхъ пѣсняхъ должна бы заключатися якая-то тайная сила, особливая красота, если такіи паны, якъ професоръ Мерзляковъ и баронъ Дельвигъ стараются такіи пѣсни у простонародья перенимати и также имъ подобныи складати.

Якъ разъ въ ту пору на помочь ему въ такихъ догадкахъ и сомнѣніяхъ прійшло знакомство съ двома уже образованными людьми: одинъ изъ нихъ, А. П. Серебрянскій, былъ студентомъ воронежской духовной семинаріи, самъ писалъ хорошіи стихотворенія и былъ оттеперь руководителемъ Кольцова въ его стихотворныхъ занятіяхъ, другій Николай Владиміровичъ Станкевичъ, сынъ помѣщика воронежской губерніи и студентъ московского университета, пріѣзжалъ всегда лѣтомъ на каникулы (вакаціи) въ Воронежъ и заопѣковался образованіемъ Кольцова.

В корѣ послѣ заведенія того знакомства Кольцову прійшлось быти въ старопрестольной Москвѣ. Именно его отецъ по причинѣ всякихъ торговыхъ сдѣлокъ безпрестанно тягался съ другими сгонниками и торговцами скотомъ по судамъ и иногда процессъ рѣшался въ найвысшихъ инстанціяхъ въ Москвѣ и въ Петербурзѣ. Въ такихъ случаяхъ онъ отправлялъ туда на судебное розбирательство (росправу) сына. Пріѣхавши въ Москву, Алексѣй Васильевичъ уже тамъ сойшолся съ своимъ знакомымъ и другомъ Н. В. Станкевичемъ, который выбралъ изъ его стихотвореній найлучшихъ 18 отрывковъ и издалъ ихъ тамъ печатно въ особной книжечцѣ. Тѣ стихотворенія приняло все образованное столичное общество съ великими похвалами для поэта-самоучки; въ нихъ уже увидѣли правдивый и сильный талантъ. Такую хорошую славу за Кольцовымъ утвердилъ особливо его новый знакомецъ въ Москвѣ, найбольшій тогдашній русскій критикъ В. Г. Бѣлинскій. (О немъ смотри мою статью въ Календарѣ Общества им. М. Качковского на 1910 г. стр 351—357 п. з. „Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій").

А уже жъ цѣлковитый переворотъ въ жизни и въ воззрѣніяхъ крестьянина-поэта вызвало его пребываніе въ 1836 г. въ столицѣ Россіи въ Петербурзѣ. Тутъ его познакомили съ такими выдающимися русскими поэтами, якъ В. А. Жуковскій, П. А. Плетневъ, И. С. Тургеневъ, князь А. И. Одоевскій, князь П. А. Вяземскій и др. Но особенно сильное впечатлѣніе осталось въ его памяти отъ знакомства съ найбольшимъ поэтомъ всей Руси, которого онъ готовился съ трепетомъ увидѣти — Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ. О той торжественной минутѣ встрѣчи съ тѣмъ найзнаменитшимъ русскимъ геніемъ Кольцовъ не могъ позабыти до смерти. Но молодый поэтъ чувствовалъ себе, помимо ласкъ и похвалъ, якими осыпали его всѣ тѣ высокодостойныи особы, въ ихъ присутствіи неловко. Онъ всегда, съ превеликимъ жалемъ, памяталъ о томъ, що ему за молоду не довелось ни скончити якойнибудь школы ни пополнити другимъ способомъ свое образованіе, тому все стыдался передъ образованными людьми и боялся уронити якое-то неумѣстное слово, показующее его невѣжество. За то больше молчалъ и прилѣжно смотрѣлъ за всѣми и всѣмъ, щобы хоть такъ чому-нибудь научитись. Писатель И. С Тургеневъ, вспоминаючи о вечерахъ, которыи проводили петербугскіи писатели у своего товарища по перу Плетнева, такъ отзываеся о Кольцовѣ: „Въ комнатѣ находился межи нами еще одинъ человѣкъ. Онъ сидѣлъ скромно въ углу, подобравши подъ себе ноги, и рѣдко покашлювалъ (его уже въ то время мучила чахотка, т. е. сухоты), закрываючи рукою губы. Онъ глядѣлъ кругомъ троха боязливо и уважно прислуховался. Въ его очахъ свѣтился незвычайный умъ, но лице его было простое, русское... То былъ Кольцовъ... Плетневъ началъ его просити, щобы онъ намъ прочиталъ одну свою хорошую „думу", но онъ завстыдался и такъ смѣшался, що мы перестали на то настоювати. Я поздно вечеромъ выйшолъ разомъ съ нимъ и взялъ его въ свои сани. Онъ садился, всю дорогу кашлялъ и кутался въ свой старый кожухъ. По дорозѣ я его и пытаю, чому намъ не хотѣлъ

прочитати свою думу. А онъ отвѣтилъ менѣ съ досадою: Та где-жъ я мôгъ читати! Тамъ былъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ и лишь що ино выйшолъ, а я бы взялся читати свои стихотворенія? Помилуйте!" Такое было глубокое благоговѣніе у Кольцова передъ Пушкинымъ.

Въ слѣдующемъ году удостоился крестьянскій поэтъ-самоучка еще не такого знакомства. Въ Воронежъ пріѣхалъ на короткое время разомъ съ поэтомъ В. А. Жуковскимъ наслѣдникъ цесаревичъ, пôзднѣйшій Царь-Освободитель, императоръ Александръ II Николаевичъ, и пожелалъ видѣтись съ Кольцовымъ. Все время своего пребыванія въ Воронежѣ наслѣдникъ цесаревичъ проводилъ съ крестьянскимъ стихотворцемъ, былъ въ его домѣ, познакомился съ его отцемъ, пилъ съ нимъ чай. Одинъ жизнеописатель Кольцова такъ о тôмъ пише: „Весь городъ съ зачудованьемъ глядѣлъ, якъ съ Наслѣдникомъ Престола и съ его величавою свитою гулялъ по городу пѣшкомъ и въ каретѣ впобôчь молодый парубокъ поэтъ-сгôнникъ". Всѣ изумлялися и не могли поняти, за що ихъ собратъ-мѣщанинъ удостоился такой высокой чести. Родственники Кольцова не могли нарадоватися. Отецъ Кольцова, хоть и якъ сильно гнѣвался за то, що, якъ говорилъ, изъ-за пустяшныхъ книжокъ, занедбуе свои торговыи обязанности, тогда все простилъ ему. Сдавалося, що теперь никто уже не буде ехо безпокоити въ его писательскихъ занятіяхъ.

Однако коротко продолжалось то счастье. Прежде всего торговыи дѣла ему не удавались совершенно. Чахотка руйновала здоровье молодого поэта быстро и неумолимо. Въ своихъ занятіяхъ сгôнщика и по причинѣ болѣзни и по причинѣ писательскихъ трудôвъ онъ сталъ совсѣмъ опускатися. Отецъ изъ-за того сердился, дорѣкалъ ему за лѣнивство, грозилъ отнятіемъ куска хлѣба. Иногда его гнѣвъ немного улягался, а именно, коли процессы переходили въ высшіи инстанціи и треба было хлопотати въ Москвѣ и Петербурзѣ, щобы ихъ якъ-нибудь выиграти. Тогды онъ отправлялъ туда сына, который при помочи своихъ высокихъ знакомыхъ добивался желанного рѣшенія

дѣла. Съ поры однако, якъ такіи процессы были улажены, отецъ не видѣлъ ніякой осязательной пользы отъ сына и грозилъ, що, просто, выкине его кашляющого чахотника (сухотника) на улицу. Причиною ненависти были занятія сына наукою, которой отецъ не уважалъ и не признавалъ, держачись упрямо правила, що „наши дѣды безъ неи обходились и выходили въ люди, то и мы проживемъ". Положенье поэта тѣмъ бôльше было тяжкимъ и мучительнымъ, що онъ, побывавши якое-то время въ Петербурзѣ и въ Москвѣ и повидавшись тамъ съ свѣтлыми людьми, учеными, писателями и художниками, увидѣлъ, що есть на свѣтѣ еще другая жизнь, мирная, благородная и дающая человѣку случай пôднестися духовно высше, къ небу, оторватися отъ земного пекла и грѣховности. Такая жизнь дае возможнôсть подумати о божественнôй красотѣ, роспо-всюдненнôй по всему свѣту, прославити и въ порывающей за сердце, вдохновеннôй пѣснѣ, позволяе творческому таланту розвитися, возмужати и выйти свободно на широкій просторъ... а тутъ — грязь, тьма, нужда, грѣхи и окончательное паденіе хотя бы и найсильнѣйшого духа!

Еще разъ судьба позволила Кольцову поехати осенью 1840 г. въ Петербургъ. Онъ выигралъ отцовскій процесъ и задумалъ остатись въ столицѣ разъ на всегда и всецѣло отдатися своимъ любимымъ пѣснямъ. Особливо жаль ему было розставатись съ сердечнымъ другомъ, критикомъ В. Г. Бѣлинскимъ, который принималъ въ нем и въ его стихотвореніяхъ самое живое участіе, у которого многому научился. По совѣту Бѣлинского Алексѣй Васильевичъ отправилъ отцу своему отцу въ Воронежъ письмо съ заявленіемъ, що на всегда отказуеся отъ всякого по его смерти наслѣдства его имѣнія, если лишь ему дасть изъ припадающей на него части стôлько гроши, щобы на початку якъ-нибудь устроитись въ Петербурзѣ. Отецъ отказалъ на отрѣзъ. „Хочешь оставатись въ Петербурзѣ — писалъ онъ — хорошо! Менѣ и такъ тебе уже не треба. Но грошей не дамъ ни копѣйки. Дамъ тобѣ одно отеческое благословеніе, ничого бôльше".

прочитати свою думу. А онъ отвѣтилъ менѣ съ досадою: Та где-жъ я мôгъ читати! Тамъ былъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ и лишь що ино выйшолъ, а я бы взялся читати свои стихотворенія? Помилуйте!" Такое было глубокое благоговѣніе у Кольцова передъ Пушкинымъ.

Въ слѣдующемъ году удостоился крестьянскій поэтъ-самоучка еще не такого знакомства. Въ Воронежъ пріѣхалъ на короткое время разомъ съ поэтомъ В. А. Жуковскимъ наслѣдникъ цесаревичъ, пôзднѣйшій Царь-Освободитель, императоръ Александръ II Николаевичъ, и пожелалъ видѣтись съ Кольцовымъ. Все время своего пребыванія въ Воронежѣ наслѣдникъ цесаревичъ проводилъ съ крестьянскимъ стихотворцемъ, былъ въ его домѣ, познакомился съ его отцемъ, пилъ съ нимъ чай. Одинъ жизнеописатель Кольцова такъ о тôмъ пише: „Весь городъ съ зачудованьемъ глядѣлъ, якъ съ Наслѣдникомъ Престола и съ его величавою свитою гулялъ по городу пѣшкомъ и въ каретѣ впобôчь молодый парубокъ поэтъ-сгôнникъ". Всѣ изумлялися и не могли поняти, за що ихъ собратъ-мѣщанинъ удостоился такой высокой чести. Родственники Кольцова не могли нарадоватися. Отецъ Кольцова, хоть и якъ сильно гнѣвался за то, що, якъ говорилъ, изъ-за пустяшныхъ книжокъ, занедбуе свои торговыи обязанности, тогда все простилъ ему. Сдавалося, що теперь никто уже не буде еко безпокоити въ его писательскихъ занятіяхъ.

Однако коротко продолжалось то счастье. Прежде всего торговыи дѣла ему не удавались совершенно. Чахотка руйновала здоровье молодого поэта быстро и неумолимо. Въ своихъ занятіяхъ сгôнщика и по причинѣ болѣзни и по причинѣ писательскихъ трудôвъ онъ сталъ совсѣмъ опускатися. Отецъ изъ-за того сердился, дорѣкалъ ему за лѣнивство, грозилъ отнятіемъ куска хлѣба. Иногда его гнѣвъ немного улягался, а именно, коли процессы переходили въ высшіи инстанціи и треба было хлопотати въ Москвѣ и Петербурзѣ, щобы ихъ якъ-нибудь выиграти. Тогды онъ отправлялъ туда сына, который при помочи своихъ высокихъ знакомыхъ добивался желанного рѣшенія

дѣла. Съ поры однако, якъ такіи процессы были улажены, отецъ не видѣлъ ніякой осязательной пользы отъ сына и грозилъ, що, просто, выкине его кашляющого чахотника (сухотника) на улицу. Причиною ненависти были занятія сына наукою, которой отецъ не уважалъ и не признавалъ, держачись упрямо правила, що „наши дѣды безъ неи обходились и выходили въ люди, то и мы проживемъ". Положенье поэта тѣмъ бôльше было тяжкимъ и мучительнымъ, що онъ, побывавши якое-то время въ Петербурзѣ и въ Москвѣ и повидавшись тамъ съ свѣтлыми людьми, учеными, писателями и художниками, увидѣлъ, що есть на свѣтѣ еще другая жизнь, мирная, благородная и дающая человѣку случай пôднестися духовно высше, къ небу, оторватися отъ земного пекла и грѣховности. Такая жизнь дае возможность подумати о божественнôй красотѣ, роспонôсть подумати по всему свѣту, прославити и въ повсюдненнôй по всему свѣту, прославити и въ порывающей за сердце, вдохновеннôй пѣснѣ, позволяе творческому таланту розвитися, возмужати и выйти свободно на широкій просторъ... а тутъ? — грязь, тьма, нужда, грѣхи и окончательное паденіе хотя бы и найсильнѣйшого духа!

Еще разъ судьба позволила Кольцову поѣхати осенью 1840 г. въ Петербургъ. Онъ выигралъ отцовскій процесъ и задумалъ остатись въ столицѣ разъ на всегда и всецѣло отдатися своимъ любимымъ пѣснямъ. Особливо жаль ему было розставатись съ сердечнымъ другомъ, критикомъ В. Г. Бѣлинскимъ, который принималъ въ немъ и въ его стихотвореніяхъ самое живое участіе и у которого многому научился. По совѣту Бѣлинского Алексѣй Васильевичъ отправилъ оттуда своему отцу въ Воронежъ письмо съ заявленіемъ, що на всегда отказуеся отъ всякого по его смерти наслѣдства его имѣнія, если лишь ему дастъ изъ припадающей на него части стôлько грошей, щобы на початку якъ-нибудь устроитись въ Петербурзѣ. Отецъ отказалъ на отрѣзъ. „Хочешь оставатись въ Петербурзѣ — писалъ онъ — хорошо! Менѣ и такъ тебе уже не треба. Но грошей не дамъ ни копѣйки. Дамъ тобѣ одно отеческое благословеніе, ничого бôльше".

Алексѣй Васильевичъ послѣ того вернулся опять домой въ Воронежъ. Въ долгôй далекôй дорозѣ (желѣзныхъ дорогъ еще въ Россіи тогда не было) простудился, захоровалъ совсѣмъ и лягъ въ постель, изъ которой уже не поднялся. Хорому потреба было совершенного спокою, которого однако ему сродники не давали. Они безперестанно оскорбляли его, мучили, дразнили, дорѣкали, що даромъ хлѣбъ ѣстъ. Иногда у него не было за що не то купити лѣкарства, но не было ни чаю, ни теплой стравы, ни свѣтла. Ему отвели на поддашьѣ маленькую, пустую комнату, которой зимою не отопляли. Во время сильныхъ морозôвъ приходилось тайкомъ закрадатись ночію, щобы дôстати у отца дровъ. Отецъ, довѣдавшись о тôмъ, прогналъ его внизъ, въ пôдвалъ дома. Но и тутъ не было спокою больному. Щобы ему докучити и показати, що хотятъ его посбытись, рôдныи устроили надъ нимъ, живымъ еще, похороны. Собравшися вокругъ его постели, запалили свѣчки, нѣбы молились и спѣвали хоромъ „вѣчная память". Можно собѣ вообразити, що дѣялось въ душѣ уже догорающого Алексѣя Васильевича. Вскорѣ потôмъ сестра его выходила за-мужъ и коло хорого справлялось гучное весѣлье. Лишь на пару недѣль передъ смертію удалось ему хитростію добытись отъ нихъ якоготакого спокою. Именно, онъ совсѣмъ приготовился на смерть, пригласилъ до себе всѣхъ рôдныхъ и простился съ ними. Тогды всѣ видѣли, що уже не буде имъ долго заважати и оставили его въ спокою. На 34-омъ году отъ рожденія, именно 19 октября 1842 г., его мученическая жизнь-каторга погасла.

Похоронили его таки въ Воронежѣ. Нынѣ центральная и найкрасшая площадь въ тôмъ городѣ называеся именемъ Кольцова и по еи серединѣ возвышаеся великій мраморный памятникъ Кольцову.

Но найбôльшій памятникъ воздвигъ ему найсердечнѣйшій его другъ при жизни и найусерднѣйшій его почитатель по его смерти, критикъ В. Г. Бѣлинскій. Онъ собралъ старательно всѣ прекрасныи пѣсни Кольцова и издалъ ихъ

печатно, добавивши отъ себе обширное вступительное слово, где тепло и прочувственно описалъ и праведную жизнь и высокое значеніе чудной поэзіи крестьянина-поэта. Симъ способомъ Бѣлинскій, сдаеся, таки найлучше исполнилъ послѣднюю горячую волю покойника, ибо сдѣлалъ то, що онъ буде вѣчно жити въ сердцѣ всего русского народа.

Поэзія А. В. КОЛЬЦОВА.

Уже въ моей книжечцѣ о Гоголѣ было сказано (на стор. 16), що на каждого писателя и на его творенія сильно дѣйствуе окруженье, т. е. всѣ условія, среди которыхъ писателю приходится жити и творити, и що для точного понимания его произведеній необходимо всѣ тѣ условія знати, ибо они тамъ сильно отражаются. Если примѣнимъ то правило къ А. В. Кольцову, то якіи жъ моменты изъ его жизни и его личности потреба буде пôднести? А вотъ якіи:

Во первыхъ, мы видѣли, що жизнь Алексѣя Васильевича была чрезвычайно трудная, тяжкая, многострадальная. Онъ былъ принужденъ вести упорную борьбу за свои священныи идеалы не лишь съ чужою темнотою и невѣжествомъ, но и съ своими сродниками, съ рôднымъ отцемъ, не понимавшимъ его свѣтлыхъ и возвышенныхъ стремленій. Жизнь поэта — одно непрерывное пасмо страданій и горестей.

Во-вторыхъ: не могла безъ отголоска въ его поэзіи остатися и его несчастная любовь къ дѣвушцѣ, съ которою его такъ жестоко розлучили. Бѣлинскій розсказуе, що поэтъ о тôмъ роковôмъ событію въ своей жизни николи не мôгъ спокойнати спокойно.

Въ-третьихъ: Кольцовъ, странствуючи по селамъ, бываючи на ярмаркахъ майже по всей серединной и южной Россіи и встрѣчаючись часто, а то и живучи посреди крѣпостныхъ крестьянъ, видѣлъ ихъ страданія и ихъ недолю. Народное горе запало ему глубоко въ его отзывчую душу. Поэтъ оставался до конца своей жизни правдивымъ крестьяниномъ.

Алексѣй Васильевичъ послѣ того вернулся опять домой въ Воронежъ. Въ долгôй далекôй дорозѣ (желѣзныхъ дорогъ еще въ Россіи тогда не было) простудился, захоровалъ совсѣмъ и лягъ въ постель, изъ которой уже не поднялся. Хорому потреба было совершенного спокою, которого однако ему сродники не давали. Они безперестанно оскорбляли его, мучили, дразнили, дорѣкали, що даромъ хлѣбъ ѣстъ. Иногда у него не было за що не то купити лѣкарства, но не было ни чаю, ни теплой стравы, ни свѣтла. Ему отвели на поддашьѣ маленькую, пустую комнату, которой зимою не отопляли. Во время сильныхъ морозôвъ приходилось тайкомъ закрадатись ночію, щобы дôстати у отца дровъ. Отецъ, довѣдавшись о тôмъ, прогналъ его внизъ, въ пôдвалъ дома. Но и тутъ не было спокою больному. Щобы ему докучити и показати, що хотятъ его посбытись, рôдныи устроили надъ нимъ, живымъ еще, похороны. Собравшися вокругъ его постели, запалили свѣчки, нѣбы молились и спѣвали хоромъ „вѣчная память". Можно собѣ вообразити, що дѣялось въ душѣ уже догорающого Алексѣя Васильевича. Вскорѣ потôмъ сестра его выходила за-мужъ и коло хорого справлялось гучное весѣлье. Лишь на пару недѣль передъ смертію удалось ему хитростію добытись отъ нихъ якого-такого спокою. Именно, онъ совсѣмъ приготовился на смерть, пригласилъ до себе всѣхъ рôдныхъ и простился съ ними. Тогды всѣ видѣли, що уже не буде имъ долго заважати и оставили его въ спокою. На 34-омъ году отъ рожденія, именно 19 октября 1842 г., его мученическая жизнь-каторга погасла.

Похоронили его таки въ Воронежѣ. Нынѣ центральная и найкрасшая площадь въ тôмъ городѣ называеся именемъ Кольцова и по еи серединѣ возвышаеся великій мраморный памятникъ Кольцову.

Но найбôльшій памятникъ воздвигъ ему найсердечнѣйшій его другъ при жизни и найусерднѣйшій его почитатель по его смерти, критикъ В. Г. Бѣлинскій. Онъ собралъ старательно всѣ прекрасныи пѣсни Кольцова и издалъ ихъ

печатно, добавивши отъ себе обширное вступительное слово, где тепло и прочувственно описалъ и праведную жизнь и высокое значеніе чудной поэзіи крестьянина-поэта. Симъ способомъ Бѣлинскій, сдаеся, таки найлучше исполнилъ послѣднюю горячую волю покойника, ибо сдѣлалъ то, що онъ буде вѣчно жити въ сердцѣ всего русского народа.

Поэзія А. В. КОЛЬЦОВА.

Уже въ моей книжечцѣ о Гоголѣ было сказано (на стор. 16), що на каждого писателя и на его творенія сильно дѣйствуе окруженье, т. е. всѣ условія, среди которыхъ писателю приходится жити и творити, и що для точного понимания его произведеній необходимо всѣ тѣ условія знати, ибо они тамъ сильно отражаются. Если примѣнимъ то правило къ А. В. Кольцову, то якіи жъ моменты изъ его жизни и его личности потреба буде пôднести? А вотъ якіи:

Во первыхъ, мы видѣли, що жизнь Алексѣя Васильевича была чрезвычайно трудная, тяжкая, многострадальная. Онъ былъ принужденъ вести упорную борьбу за свои священныи идеалы не лишь съ чужою темнотою и невѣжествомъ, но и съ своими сродниками, съ рôднымъ отцемъ, не понимавшимъ его свѣтлыхъ и возвышенныхъ стремленій. Жизнь поэта — одно непрерывное пасмо страданій и горестей.

Во-вторыхъ: не могла безъ отголоска въ его поэзіи остатися и его несчастная любовь къ дѣвущцѣ, съ которою его такъ жестоко розлучили. Бѣлинскій розсказуе, що поэтъ о тôмъ роковôмъ событію въ своей жизни николи не мôгъ споминати спокойно.

Въ-третьихъ: Кольцовъ, странствуючи по селамъ, бываючи на ярмаркахъ майже по всей серединной и южной Россіи и встрѣчаючись часто, а то и живучи посреди крѣпостныхъ крестьянъ, видѣлъ ихъ страданія и ихъ недолю и народное горе запало ему глубоко въ его отзывчую душу. Поэтъ оставался до конца своей жизни правдивымъ крестьяниномъ.

Въ-четвертыхъ: кочуючи безперестанно по украинской степи, Алексѣй Васильевичъ сжился съ нею, полюбилъ еи страстно. Одна широкая степь давала ему то спокойствіе для милыхъ думъ, которого не находилъ въ родной хатѣ и семьѣ. Онъ проводилъ сызмалу дни и ночи подъ открытымъ небомъ, жилъ на лонѣ русской природы и былъ еи правдивымъ дитятемъ

Въ-пятыхъ: сызмала наслухался Кольцовъ множества простонародныхъ пѣсенъ, простый, но чарующій своею красотою ихъ складъ проникъ въ его творческую душу и отозвался въ ней многократнымъ эхомъ чудныхъ и простыхъ, якъ они, другихъ пѣсенъ.

Въ шестыхъ наконецъ: знаемъ, що у Кольцова у самого въ душѣ происходила внутренняя тяжкая борьба съ самимъ собою. Онъ до смерти не пересталъ рватися къ яркому сіянію истины и добра, къ недостижимому величію божественной красоты, а тутъ треба было вѣчно борыкатися съ сумною, мрачною и холодною дѣйствительностію. Тутъ видно вѣчный розладъ межи Кольцовымъ-поэтомъ и Кольцовымъ-сгонникомъ Се была у него одна внутренняя борьба. Но была еще и другая. Поэтъ, одаренный уже съ природы рѣдкимъ талантомъ и незвычайно сильно розвитою геніальностію, старался постичи своимъ простымъ умомъ найвысшіи міровыи тайны, розгадати загадку вселенной и розвязати вопросы, которыи являются предметомъ и задачею философіи. То было не по его силамъ. ибо, не получивши ніякого образованія, не зналъ и не догадовался, що уже въ той области человѣчество сдѣлало до него, якъ такіи вопросы рѣшались найгеніальнѣйшими философами-спеціалистами. Поэтъ безпрерывно и безпомощно бился по той причинѣ съ своими собственными мыслями и одна лишь постоянная мысль о Бозѣ, глубокая религійность и ревностная, горячая молитва давали его уму и его сердцу облегченіе.

Се все не могло не выразитись въ его поэзіи и посля сихъ точокъ належитъ давати обзоръ его стихотвореній.

Но се все было у него дуже оригинальнымъ, новымъ, неизвѣстнымъ еще въ русской литературѣ до той степени, що въ томъ взглядѣ не може съ нимъ стати на ровнѣ ни одинъ общерусскій писатель. Ибо другіи писатели по найбольшей части получали якое-то высшее образованіе и посля того образованія писали свои произведенія, а Кольцовъ не могъ нигде образоватись, былъ самоучка и самъ своимъ собственнымъ дарованіемъ и собственнымъ образованіемъ дойшолъ до пониманія сущности поэзіи и до овладѣнія стихотворнымъ искусствомъ. Тому то не можно говорити о вліяніи другихъ русскихъ писателей на Кольцова, ибо онъ не зналъ произведеній другихъ писателей, а, если и зналъ, то ихъ силѣ не подчинялся, чувствуючи, що его недостаточное образованіе не дае ему возможности мѣрятися съ ними въ таком самомъ родѣ поэзіи, а писалъ, якъ умѣлъ, просто и по образцамъ народныхъ пѣсенъ. Отсюда то и выйшло, що Кольцовъ яко поэтъ стоитъ въ общерусской литературѣ одиноко, независимымъ ни отъ кого. Съ другой стороны никто даже изъ образованныхъ писателей не може въ составленіи народныхъ пѣсенъ и въ изображеніи крестьянской жизни съ нимъ ровнятися, ибо ни одинъ изъ нихъ не зналъ той жизни такъ хорошо, якъ Кольцовъ, и ни одинъ изъ нихъ не проникся такъ якъ онъ глубоко чувствами и думами русского простонародья.

Къ стихотвореніямъ, въ которыхъ большею частію выразились стремленія поэта къ идеалу высокій взглядъ на поэзію и на свое важное посланничество на землѣ, дружба съ писателями покровителями его поэтического званія и борьба съ окружающею темнотою и съ родными, не понимающими поэта, принадлежатъ: „Размовлка“, „Перепутье“, „Много есть у меня теремовъ и садовъ“, „Расчетъ съ жизнію“ (посвященное В. Г. Бѣлинскому), „Поминки“ (посвященное памяти П. В. Станкевича), „Звѣзда“, „На Новый 1842 Годъ“, „Сестрѣ“, „Разувѣреніе“, „Вздохъ на могилѣ Веневитинова“, „А. П. Серебрянскому“, „Утѣшеніе“ „Соловей“ (подражаніе А. С. Пушкину), „Къ дру-

Въ-четвертыхъ: кочуючи безперестанно по украинской степи, Алексѣй Васильевичъ сжился съ нею, полюбилъ еи страстно. Одна широкая степь давала ему то спокойствіе для милыхъ думъ, которого не находилъ въ рôднôй хатѣ и семьѣ. Онъ проводилъ сызмалу дни и ночи пôдъ открытымъ небомъ, жилъ на лонѣ русской природы и былъ еи правдивымъ дитятемъ.

Въ-пятыхъ: сызмала наслухался Кольцовъ множества простонародныхъ пѣсенъ, простый, но чарующій своею красотою ихъ складъ проникъ въ его творческую душу и отозвался въ ней многократнымъ эхомъ чудныхъ и простыхъ, якъ они, другихъ пѣсенъ.

Въ шестыхъ наконецъ: знаемъ, що у Кольцова у самого въ душѣ происходила внутренняя тяжкая борьба съ самимъ собою. Онъ до смерти не пересталъ рватися къ яркому сіянію истины и добра, къ недостижимому величію божественной красоты, а тутъ треба было вѣчно борыкатися съ сумною, мрачною и холодною дѣйствительностію. Тутъ видно вѣчный розладъ межи Кольцовымъ-поэтомъ и Кольцовымъ-сгôнникомъ. Се была у него одна внутренняя борьба. Но была еще и другая. Поэтъ, одаренный уже съ природы рѣдкимъ талантомъ и незвычайно сильно розвитою геніальностію, старался постичи своимъ простымъ умомъ найвысшіи міровыи тайны, розгадати загадку вселенной и розвязати вопросы, которыи являются предметомъ и задачею философіи. То было не по его силамъ, ибо, не получивши ніякого образованія, не зналъ и не догадовался, що уже въ той области человѣчество сдѣлало до него, якъ такіи вопросы рѣшались найгеніальнѣйшими философами-спеціалистами. Поэтъ безпрерывно и безпомощно бился по тôй причинѣ съ своими собственными мыслями и одна лишь постоянная мысль о Бозѣ, глубокая религійнôсть и ревностная, горячая молитва давали его уму и его сердцу облегченіе.

Се все не могло не выразитись въ его поэзіи и пôсля сихъ точокъ належитъ давати обзоръ его стихотвореній.

Но се все было у него дуже оригинальнымъ, новымъ, неизвѣстнымъ еще въ русской литературѣ до той степени, що въ тôмъ взглядѣ не може съ нимъ стати на рôвнѣ ни одинъ общерусскій писатель. Ибо другіи писатели по найбôльшей части получали якое-то высшее образованіе и пôсля того образованія писали свои произведенія, а Кольцовъ не мôгъ нигде образоватись, былъ самоучка и самъ своимъ собственнымъ дарованіемъ и собственнымъ образованіемъ дôйшолъ до пониманія сущности поэзіи и до овладѣнія стихотворнымъ искусствомъ. Тому то не можно говорити о вліяніи другихъ русскихъ писателей на Кольцова, ибо онъ не зналъ произведеній другихъ писателей, а, если и зналъ, то ихъ силѣ не пôдчинялся, чувствуючи, що его недостаточное образованіе не дае ему возможности мѣрятися съ ними въ такôмъ самôмъ родѣ поэзіи, а писалъ, якъ умѣлъ, просто и по образцамъ народныхъ пѣсенъ. Отсюда то и выйшло, що Кольцовъ яко поэтъ стоитъ въ общерусской литературѣ одиноко, независимымъ ни отъ кого. Съ другой стороны никто даже изъ образованныхъ писателей не може въ составленіи народныхъ пѣсенъ и въ изображеніи крестьянской жизни съ нимъ рôвнятися, ибо ни одинъ изъ нихъ не зналъ той жизни такъ хорошо, якъ Кольцовъ, и ни одинъ изъ нихъ не проникся такъ якъ онъ глубоко чувствами и думами русского простонародья.

Къ стихотвореніямъ, въ которыхъ бôльшею частію выразились стремленія поэта къ идеалу высокій взглядъ на поэзію и на свое важное посланничество на землѣ, дружба съ писателями покровителями его поэтического званія и борьба съ окружающею темнотою и съ рôдными, не понимающими поэта, принадлежатъ: „Размовлка“, „Перепутье“, „Много есть у меня теремовъ и садовъ“, „Расчетъ съ жизнію“ (посвященное В. Г. Бѣлинскому), „Поминки“ (посвященное памяти П. В. Станкевича), „Звѣзда“, „На Новый 1842 Годъ“, „Сестрѣ“, „Разувѣреніе“, „Вздохъ на могилѣ Веневитинова“, „А. П. Серебрянскому“, „Утѣшеніе“ „Соловей“ (подражаніе А. С. Пушкину), „Къ дру-

гу", „Поэтъ и няня", „Блѣдный призракъ", „Міръ музыки", „Не разливай волшебныхъ звуковъ".

Любовь вообще и особливо несчастная любовь поэта найшла себѣ выраженіе въ стихотвореніяхъ: „Люди добрые скажите", „Первая любовь", „Къ ней", „Ты не пой, соловей", „Не шуми ты, рожь", „Кольцо", „Молодая жница", „Перстенечекъ золотой", „Послѣдній поцѣлуй", „Измѣна суженой", „Такъ и рвется душа", „Не на радость, не на счастье", „Дуютъ вѣтры", „Не весна тогда жизнью вѣяла", „Къ ***", „Не скажу никому", „Сирота", „Если встрѣчусь съ тобой", „Красавицѣ", „Приди ко мнѣ", „Два прощанія".

Простонародный бытъ, горе и радости русского крестьянина изображаютъ стихотворенія: „Пѣсня пахаря", „Крестьянская пирушка", „Урожай", „Косарь", „Сяду я за столъ да подумаю", „Горькая доля", „Деревенская бѣда", „Хуторокъ", „Въ непогоду вѣтеръ", „Всякому свой таланъ", „Доля бѣдняка", „Размышленіе поселянина".

Но поэтъ умѣе не лишь представити вѣрно мужицкую недолю, но и вселити бодрость и силу въ спотыкающихся и падающихъ посреди житейскихъ невзгодъ, що видно въ стихотвореніяхъ: »Совѣтъ старца", „Пѣсня старика", „Удалецъ", „Двѣ пѣсни Лихача Кудрявича", „Въ полѣ вѣтеръ воетъ", „Путь", „Что ты спишь, мужичокъ?", „Дума сокола", „Ты прости-прощай", „Какъ здоровъ да молодъ", „Веселый часъ", „Товарищу".

Широкая южно-русская степь и вообще русская природа, а также кочующая жизнь поэта-сгонника представлены въ стихотвореніяхъ: „Путникъ", „Цвѣтокъ", „Лѣсъ" (посвященное памяти А. С. Пушкина), „Пора любви", „Пѣсня разбойника" (посвященное памяти А. П. Серебрянского), „Бѣгство", „Свѣтитъ Солнышко", „Разступитесь, лѣса темные", „Ночлетъ чумаковъ", „Домикъ лѣсника".

Хотя собственно всѣ стихотворенія Кольцова до такой степени простонародны, що сдаеся, якъ будтобы они были вынуты прямо изъ устъ русского крестьянства, и указывати потому, которыи изъ нихъ представляютъ собою подражаніе (наслѣдованье) народныхъ пѣсенъ, нѣтъ потребности, все-таки приведемъ тѣ, въ которыхъ черты народныхъ великорусскихъ пѣсенъ найсильнѣйше выразились, то суть именно: „Кольцо", „Люди добрые, скажите", „Пѣсня старика", „Тоска по волѣ", „Говорилъ мой другъ, прощаючись", „Ныньче ночью къ себѣ", „Теремъ", „По-надъ Дономъ садъ цвѣтетъ".

Въ дуже привлекательномъ, прекрасномъ освѣщеніи представилъ поэтъ русскую женщину, особливо женщину-крестьянку, пылкую женскую любовь, дѣвочье горе и тоску по утратѣ милого, недолю молодицъ, насильно выданныхъ замужъ за немилого, а именно въ слѣдующихъ стихотвореніяхъ: „Молодая жница", „Ахъ зачѣмъ меня силой выдали", „Безъ ума, безъ разума меня за-мужъ выдали", „Разлука", „Грусть дѣвушки", „Ночь" (посвященное князю В. Ѳ. Одоевскому), „Я любила его жарче дня и огня", „Что онъ ходитъ за мной".

Философія поэта, его мучительныи и дарем-ныи пробы и усилія отгадати своимъ мужицкимъ непросвѣщеннымъ умомъ найвысшіи и найтруднѣйшіи загадки свѣта, тайны вселенной и Божества, его смиренное преклоненіе передъ найвысшею истиною, передъ мудростью всѣхъ мудростей и успокоеніе въ горячей, поэтичной, поэтомъ самимъ сложенной молитвѣ, выразились въ его „Думахъ", которыхъ Кольцовъ оставилъ много, но изъ которыхъ упомянемъ лишь найважнѣйшіи: „Великая тайна", „Божій міръ", „Неразгаданная истина", „Человѣкъ", „Великое слово" (посвященное поэту В. А. Жуковскому), „Умолкшій поэтъ", „Могила", „Молитва" (Спаситель, Спаситель, чиста моя вѣра). „Двѣ жизни", „Вопросъ", „Царство мысли", „Лѣсъ" (О чемъ шумитъ сосновый лѣсъ), „Предъ образомъ Спасителя" „Поэтъ", „Жизнь", „Не время ль намъ оставить" (посвященное поэту князю П. А. Вяземскому) и др.

Мы не привели тутъ всѣхъ стихотвореній А. В. Кольцова — то невозможно, ибо ихъ есть много. Розумѣеся, що и поданный тутъ подѣлъ тѣхъ стихотвореній не може быти совсѣмъ стро-

гу", „Поэтъ и няня", „Блѣдный призракъ", „Міръ музыки", „Не разливай волшебныхъ звуковъ".

Любовь вообще и особливо несчастная любовь поэта найшла себѣ выраженіе въ стихотвореніяхъ: „Люди добрые скажите", „Первая любовь", „Къ ней", „Ты не пой, соловей", „Не шуми ты, рожь", „Кольцо", „Молодая жница", „Перстенечекъ золотой", „Послѣдній поцѣлуй", „Измѣна суженой", „Такъ и рвется душа", „Не на радость не на счастье", „Дуютъ вѣтры", „Не весна тогда жизнью вѣяла", „Къ ***", „Не скажу никому", „Сирота", „Если встрѣчусь съ тобой", „Красавицѣ", „Приди ко мнѣ", „Два прощанія".

Простонародный бытъ, горе и радости русского крестьянина изображаютъ стихотворенія: „Пѣсня пахаря", „Крестьянская пирушка", „Урожай", „Косарь", „Сяду я за столъ да подумаю", „Горькая доля", „Деревенская бѣда", „Хуторокъ", „Въ непогоду вѣтеръ", „Всякому свой таланъ", „Доля бѣдняка", „Размышленіе поселянина".

Но поэтъ умѣе не лишь представити вѣрно мужицкую недолю, но и вселити бодрость и силу въ спотыкающихся и падающихъ посреди житейскихъ невзгодъ, що видно въ стихотвореніяхъ: „Совѣтъ старца", „Пѣсня старика", „Удалецъ", „Двѣ пѣсни Лихача Кудрявича", „Въ полѣ вѣтеръ воетъ", „Путь", „Что ты спишь, мужичокъ?", „Дума сокола", „Ты прости-прощай", „Какъ здоровъ да молодъ", „Веселый часъ", „Товарищу".

Широкая южно-русская степь и вообще русская природа, а также кочующая жизнь поэта-сгонника представлены въ стихотвореніяхъ „Путникъ", „Цвѣтокъ", „Лѣсъ" (посвященное памяти А. С. Пушкина), „Пора любви", „Пѣсня разбойника" (посвященное памяти А. П. Серебрянского), „Бѣгство", „Свѣтитъ Солнышко", „Разступитесь, лѣса темные", „Ночлетъ чумаковъ", „Домикъ лѣсника".

Хотя собственно всѣ стихотворенія Кольцова до такой степени простонародны, що сдаеся, якъ будтобы они были вынуты прямо изъ устъ русского крестьянства, и указывати потому, которыи изъ нихъ представляютъ собою подра-

жаніе (наслѣдованье) народныхъ пѣсенъ, нѣтъ потребности, все таки приведемъ тѣ, въ которыхъ черты народныхъ великорусскихъ пѣсенъ найсильнѣйше выразились, то суть именно: „Кольцо", „Люди добрые, скажите", „Пѣсня старика", „Тоска по волѣ", „Говорилъ мой другъ, прощаючись", „Ныньче ночью къ себѣ", „Теремъ", „По надъ Дономъ садъ цвѣтетъ".

Въ дуже привлекательномъ, прекрасномъ освѣщеніи представилъ поэтъ русскую женщину, особливо женщину-крестьянку, пылкую женскую любовь, дѣвочье горе и тоску по утратѣ милого, недолю молодицъ, насильно выданныхъ замужъ за немилого, а именно въ слѣдующихъ стихотвореніяхъ: „Молодая жница", „Ахъ зачѣмъ меня силой выдали", „Безъ ума, безъ разума меня за-мужъ выдали", „Разлука", „Грусть дѣвушки", „Ночь" (посвященное князю В. Ѳ. Одоевскому), „Я любила его жарче дня и огня", „Что онъ ходитъ за мной".

Философія поэта, его мучительныи и даремныи пробы и усилія отгадати своимъ мужицкимъ непросвѣщеннымъ умомъ найвысшіи и найтруднѣйшіи загадки свѣта, тайны вселенной и Божества, его смиренное преклоненіе передъ найвысшею истиною, передъ мудростью всѣхъ мудростей и успокоеніе въ горячей, поэтичной, поэтомъ самимъ сложенной молитвѣ, выразились въ его „Думахъ", которыхъ Кольцовъ оставилъ много, но изъ которыхъ упомянемъ лишь найважнѣйшіи: „Великая тайна", „Божій міръ", „Неразгаданная истина", „Человѣкъ", „Великое слово" (посвященное поэту В. А. Жуковскому), „Умолкшій поэтъ", „Могила", „Молитва" (Спаситель, Спаситель, чиста моя вѣра). „Двѣ жизни", „Вопросъ", „Царство мысли", „Лѣсъ" (О чемъ шумитъ сосновый лѣсъ), „Предъ образомъ Спасителя" „Поэтъ", „Жизнь", „Не время ль намъ оставить" (посвященное поэту князю П. А. Вяземскому) и др.

Мы не привели тутъ всѣхъ стихотвореній А. В. Кольцова — то невозможно, ибо ихъ есть много. Розумѣеся, що и поданный тутъ подѣлъ тѣхъ стихотвореній не може быти совсѣмъ стро-

го проведеннымъ, ибо есть многіи изъ нихъ такіи, которыи належатъ до розличныхъ отдѣловъ, потому що разомъ въ нихъ изображаєтся и природа и любовь и крестьянскій бытъ и многое другое. Се лишь приблизительный подѣлъ.

Самъ А. В. Кольцовъ о своихъ стихотвореніяхъ отзывался дуже скромно, говорилъ, що то есть его „бѣдное богатство", но то бѣдное богатство чрезвычайно великимъ и новымъ сокровищемъ обогатило общерусскую литературу и поставило даровитого пѣсенника-крестьянина въ одномъ рядѣ съ лучшими образованными поэтами.

Значеніе А. В. Кольцова яко народного поэта такое исключительное и высоко и въ гдеякихъ взглядахъ недосягаемое, що даже тѣ изъ славныхъ русскихъ поэтôвъ, которыи спеціально занимались складаньемъ народныхъ пѣсенъ, якъ Н. А. Некрасовъ, И. С. Никитинъ, И. З. Суриковъ, не дорôвнюютъ ему въ геніальности, силѣ и правдивости поэтично представляемой дѣйствительности. Никто изъ нихъ не роскрылъ такъ основательно крестьянскую душу и не представилъ такъ вѣрно простонародного быта, якъ то сдѣлалъ А. В. Кольцовъ.

А. В. Кольцовъ у насъ, въ Прикарпатской Руси.

Нашъ народъ, т. е. наше крестьянство и мѣщанство, особливо въ Галичинѣ, успѣшно просвѣщаеся въ русскôмъ дусѣ и поступило уже въ тôмъ просвѣщеніи значительно на передъ. Въ послѣднее время наше простонародье зачало собѣ быстро усвоювати знаніе русского литературного языка такъ, що нынѣ уже не можно сказати, що познакомлена съ нимъ лишь наша интелигенція, ибо имѣемъ уже много крестьянъ, не тôлько понимающихъ тотъ языкъ, но и пишущихъ нимъ и говорящихъ съ великорусскимъ произношеніемъ. Въ многихъ сельскихъ читальняхъ можно нынѣ найти книжки, написанныи общерусскимъ языкомъ и изданныи въ Петербурзѣ

и въ Москвѣ, и селянство и мѣщанство горнеет до ихъ читанья. Та ревнôсть нашего народа въ просвѣщеніи и особливо въ изученіи русского литературного языка совсѣмъ оправдана и природна: народъ хоче стати съ нашею интелигенціею на одинъ просвѣтительный уровень и несомнѣнно и скоро онъ своимъ неутомимымъ трудомъ достигне той цѣли. Треба съ тѣмъ фактомъ числитися.

А якъ нашъ народъ правдиво по-русски просвѣтится, то и ему буде потреба духовной пищи высшого рода, ибо и у него пробудится интересъ и стремленіе къ возвышенному и прекрасному, и у него выробится хорошій вкусъ и цониманіе и потребнôсть искусства и онъ захоче рôвно-жъ наслаждатися благами идеального міра, заглянути и проникнути въ очаровательную краину художественного творчества. И коли лишь широкіи круги нашего русского населенія станутъ понимати всю дивную красоту русской поэзіи, сейчасъ окажеся потребнôсть указати нашему народу тѣхъ великихъ русскихъ геніевъ-творцевъ, которыми справедливо гордится вся святая Русь передъ всѣмъ культурнымъ міромъ. Нашъ народъ, сельскій, робочій, простый народъ пожелае имѣти своего русского генія такого, который бы стоялъ якъ найблизше къ его долѣ и недолѣ, вѣрно и удачно воспѣвалъ его радôсть и печаль, происходилъ изъ крестьянского сословія самъ и въ душѣ крестьяниномъ остался, былъ знаменитымъ русскимъ геніемъ поэтомъ и писалъ на русскôмъ литературнôмъ языцѣ Такимъ найблизшимъ нашему народу геніемъ може быти лишь одинъ А. В. Кольцовъ — никто другій.

Якъ малороссъ и первостепенный общерусскій писатель Н. А. Гоголь буде для нашего народа яркою путеводною звѣздою въ области русской прозы (литературныхъ произведеній, писанныхъ звычайною, невязанною бесѣдою), такъ въ области русской поэзіи, стихотвореній, буде найблизшимъ и найдоступнѣйшимъ путеводителемъ геніальный великороссъ, поэтъ-крестьянинъ А. В. Кольцовъ. Нашъ народъ на одъ выбере собѣ своимъ вѣщимъ пророкомъ А. В. Кольцова, потому

го проведеннымъ, ибо есть многіи изъ нихъ такіи, которыи належатъ до розличныхъ отдѣловъ, потому що разомъ въ нихъ изображаеся и природа и любовь и крестьянскій бытъ и многое другое. Се лишь приблизительный подѣлъ.

Самъ А. В. Кольцовъ о своихъ стихотвореніяхъ отзывался дуже скромно, говорилъ, що то есть его „бѣдное богатство", но то бѣдное богатство чрезвычайно великимъ и новымъ сокровищемъ обогатило общерусскую литературу и поставило даровитого пѣсенника-крестьянина въ одномъ рядѣ съ лучшими образованными поэтами.

Значеніе А. В. Кольцова яко народного поэта такое исключительное и высоко и въ где-якихъ взглядахъ недосягаемое, що даже тѣ изъ славныхъ русскихъ поэтôвъ, которыи спеціально занимались складаньемъ народныхъ пѣсенъ, якъ Н. А. Некрасовъ, И. С. Никитинъ, И. З. Суриковъ, не дорôвнюютъ ему въ геніальности, силѣ и правдивости поэтично представляемой дѣйствительности. Никто изъ нихъ не роскрылъ такъ основательно крестьянскую душу и не представилъ такъ вѣрно простонародного быта, якъ то сдѣлалъ А. В. Кольцовъ.

А. В. Кольцовъ у насъ, въ Прикарпатской Руси.

Нашъ народъ, т. е. наше крестьянство и мѣщанство, особливо въ Галичинѣ, успѣшно просвѣщаеся въ русскôмъ дусѣ и поступило уже въ тôмъ просвѣщеніи значительно на передъ. Въ послѣднее время наше простонародье зачало собѣ быстро усвоювати знаніе русского литературного языка такъ, що нынѣ уже не можно сказати, що познакомлена съ нимъ лишь наша интелигенція, ибо имѣемъ уже много крестьянъ, не тôлько понимающихъ тотъ языкъ, но и пишущихъ нимъ и говорящихъ съ великорусскимъ произношеніемъ. Въ многихъ сельскихъ читальняхъ можно нынѣ найти книжки, написанныи общерусскимъ языкомъ и изданныи въ Петербурзѣ

Москвѣ, и селянство и мѣщанство горнеихъ читанья. Та ревнôсть нашего народа о освѣщеніи и особливо въ изученіи русского литературного языка совсѣмъ оправдана и природна: народъ хоче стати съ нашею интелигенціею на одинъ просвѣтительный уровень и несомнѣнно и скоро онъ своимъ неутомимымъ трудомъ достигне той цѣли. Треба съ тѣмъ фактомъ числитися.

А якъ нашъ народъ правдиво по-русски просвѣтится, то и ему буде потреба духовной пищи высшого рода, ибо и у него пробудится интересъ и стремленіе къ возвышенному и прекрасному, и у него выробится хорошій вкусъ и цониманіе и потребнôсть искусства и онъ захоче рôвно-жъ наслаждатися благами идеального міра, заглянути и проникнути въ очаровательную краину художественного творчества. И коли лишь широкіи круги нашего русского населенія станутъ понимати всю дивную красоту русской поэзіи, сейчасъ окажеся потребнôсть указати нашему народу тѣхъ великихъ русскихъ геніевъ-творцевъ, которыми справедливо гордится вся святая Русь передъ всѣмъ культурнымъ міромъ. Нашъ народъ, сельскій, робочій, простый народъ пожелае имѣти своего русского генія такого, который бы стоялъ якъ найблизше къ его долѣ и недолѣ, вѣрно и удачно воспѣвалъ его радôсть и печаль, происходилъ изъ крестьянского сословія самъ и въ душѣ крестьяниномъ остался, былъ знаменитымъ русскимъ геніемъ поэтомъ и писалъ на русскôмъ литературнôмъ языцѣ Такимъ найблизшимъ нашему народу геніемъ може быти лишь одинъ А. В. Кольцовъ — никто другій.

Якъ малороссъ и первостепенный общерусскій писатель Н. А. Гоголь буде для нашего народа яркою путеводною звѣздою въ области русской прозы (литературныхъ произведеній, писанныхъ звычайною, невязанною бесѣдою), такъ въ области русской поэзіи, стихотвореній, буде найблизшимъ и найдоступнѣйшимъ путеводителемъ геніальный великороссъ, поэтъ-крестьянинъ, А. В. Кольцовъ. Нашъ на одъ выбере собѣ своимъ вѣщимъ пророкомъ А. В. Кольцова, потому

що въ его именно нѣжно-трогательной, богатырски-могущей, торжественно-упоительной и особливо простой и правдивой поэзіи найде свою собственную крестьянскую душу, съ еи темными и свѣтлыми сторонами, свою жизнь и свой идеалъ. А разъ лишь пойме Кольцова, то уже будемъ данъ ключъ для пониманія и другихъ общерусскихъ поэтовъ-художниковъ и самого А. С. Пушкина. Впоювати же интересъ и любовь къ тѣмъ двумъ писателямъ, Н. В. Гоголю и А. В. Кольцову, въ нашъ народъ должна не лишь интелигенція, но и просвѣщенныи крестьяне и мѣщане, ибо то есть наша патріотическая обязанность подготовляти и класти фундаментъ для воспринятія нашимъ народомъ всесвѣтнославной общерусской культуры. Съ помощею имъ должны бы прійти наши народныи просвѣтительныи учрежденія, особливо же Общество им. Михаила Качковского и издати для народа всѣ сочиненія тѣхъ двухъ писателей на русскомъ литературномъ языцѣ съ удареніями и объясненіями.

Львовъ, 21 декабря, въ день Московского первосвятителя митрополита Петра, 1909.

Семенъ Бендасюкъ.

Два владыки.

(...ескій росказъ изъ другой половины 17-го вѣка).

Написалъ **Р. В.**

I. Положеніе русской церкви въ 17-омъ вѣцѣ.

На горѣ св.-юрской въ Львовѣ тяжкая жалоба. Дзвоны уже отъ двохъ дней голосятъ мѣсту и цѣлой діэцезіи львовской печальну вѣсть, що владыка Аѳанасій Желиборскій померъ. Вѣсть тая неслася скоро, гей бы на крылахъ вѣтра, отъ села до села, отъ хаты до хаты и всякая руская, православная душа, узнавши о той печальной правдѣ, крестилася тричи, зотхнула побожно и казала: со святыми упокой, Господи, душу нашого доброго владыки.

Покойный владыка Желиборскій былъ ревнымъ архипастыремъ свого православного стада, покровителемъ православной вѣры, той вѣры, котора отъ поры введенія уніи съ Римомъ, въ Брестю 1595 года, терпѣла лишь одни гоненія и мученическіи страданія и що найприскорбнѣйше, даже отъ своихъ іезуитами воспитанныхъ и перешедшихъ въ латинство измѣнниковъ, прежнихъ дворянъ русскихъ.

Іезуиты бо, отъ поры введенія уніи, закладали школы на Руси, а въ тѣ школы принимали головно сыновъ богатыхъ русскихъ князей и численной тогдашной русской шляхты, званой на Руси — дворьянствомъ. Въ тѣхъ школахъ своихъ іезуиты, треба признати, якъ на тогдашніи потребы вели хорошо науку и тому русскіи князи и руская шляхта охотно отдавали своихъ сыновъ имъ на науку и воспитаніе; но при той працѣ и томъ воспитаніи іезуиты съумѣли вкоренити въ молодыхъ сердцахъ неохоту и даже призрѣніе къ русской православной вѣрѣ, чого часто родители даже и не замѣчали... Не дивота отже, если тѣ ихъ воспитанники позднѣйше, обнявши по своихъ отцахъ ихъ имѣнія и владѣнія, сейчасъ из-

що въ его именно нѣжно-трогательной, богатырски-могущей, торжественно-упоительной и особливо простой и правдивой поэзіи найде свою собственную крестьянскую душу, съ еи темными и свѣтлыми сторонами, свою жизнь и свой идеалъ. А разъ лишь пойме Кольцова, то уже буде ему данъ ключъ для пониманія и другихъ общерусскихъ поэтовъ-художниковъ и самого А. С. Пушкина. Впоювати же интересъ и любовь къ тѣмъ двумъ писателямъ, Н. В. Гоголю и А. В. Кольцову, въ нашъ народъ должна не лишь интелигенція, но и просвѣщенныи крестьяне и мѣщане, ибо то есть наша патріотическая обязанность подготовляти и класти фундаментъ для воспринятія нашимъ народомъ всесвѣтнославной общерусской культуры. Съ помощею имъ должны бы прійти наши народныи просвѣтительныи учрежденія, особливо же Общество им. Михаила Качковского и издати для народа всѣ сочиненія тѣхъ двухъ писателей на русскомъ литературномъ языцѣ съ удареніями и объясненіями.

Львовъ, 21 декабря, въ день Московского первосвятителя митрополита Петра, 1909.

Семенъ Бендасюкъ.

Два владыки.

...ескій росказъ изъ другой половины 17-го вѣка).

Написалъ **Р. В.**

I. Положеніе русской церкви въ 17-омъ вѣцѣ.

На горѣ св.-юрской въ Львовѣ тяжкая жалоба. Дзвоны уже отъ двохъ дней голосятъ мѣсту и цѣлой діэцезіи львовской печальну вѣсть, що владыка Аѳанасій Желиборскій померъ. Вѣсть тая неслася скоро, гей бы на крылахъ вѣтра, отъ села до села, отъ хаты до хаты и всякая русская, православная душа, узнавши о той печальной правдѣ, крестилася тричи, зотхнула побожно и казала: со святыми упокой, Господи, душу нашого доброго владыки.

Покойный владыка Желиборскій былъ ревнымъ архипастыремъ свого православного стада, покровителемъ православной вѣры, той вѣры, котора отъ поры введенія уніи съ Римомъ, въ Брестю 1595 года, терпѣла лишь одни гоненія и мученическіи страданія и що найприскорбнѣйше, даже отъ своихъ іезуитами воспитанныхъ и перешедшихъ въ латинство измѣнниковъ, прежнихъ дворянъ русскихъ.

Іезуиты бо, отъ поры введенія уніи, закладали школы на Руси, а въ тѣ школы принимали головно сыновъ богатыхъ русскихъ князей и численной тогдашной русской шляхты, званой на Руси — дворьянствомъ. Въ тѣхъ школахъ своихъ іезуиты, треба признати, якъ на тогдашніи потребы вели хорошо науку и тому русскіи князи и русская шляхта охотно отдавали своихъ сыновъ имъ на науку и воспитаніе; но при той працѣ и томъ воспитаніи іезуиты съумѣли вкоренити въ молодыхъ сердцахъ неохоту и даже призрѣніе къ русской православной вѣрѣ, чого часто родители даже и не замѣчали... Не дивота отже, если тѣ своихъ воспитанники позднѣйше, обнявши по своихъ отцахъ ихъ имѣнія и владѣнія, сейчасъ из-

мѣняли своей вѣрѣ, строили костелы, основ-
вали латинскіи мужескіи и женскіи монастыри
принуждали зависимыхъ отъ себе дворянъ, мѣ-
щанъ, селянъ, или переходити въ латинство, или
въ унію. Коренная польская шляхта, еще съ поры
Казиміра Вел. заполнившая Червонную Русь и
овладѣвшая мало не всѣми ея помѣстьями (до-
брами) и потомъ, по Уніи люблинской 1569 г.
нахлынувшая также Волынь, Литву Подолье и
Украину, тоже даже еще съ большимъ усердіемъ
принялась за роспространеніе римской вѣры и
уніи. На ту унію всѣ тогда смотрѣли яко на
мостъ, черезъ который русины должны были пе-
рейти изъ православія въ латинство — изъ ру-
синовъ статися поляками.

И уніаты дѣйствительно представили изъ
себе такій мостъ. Они еще больше стали не-
навидѣти православныхъ, якъ сами латиняне —
они стались орудіемъ уничтоженія своей народно-
сти. Потому тѣ, которыи хотѣли дальше быти
русинами и хоронити свою отъ прадѣдовъ уна-
слѣдованную народность, видѣли въ право-
славіи головный отпоръ для своей народности
и не хотѣли переходити въ унію.

На дармо писали римскіи папы къ латин-
скимъ и уніатскимъ епископамъ, що унія не дол-
жна уничтожати русской народности, що соеди-
нившіися съ Римомъ народности вообще не дол-
жны лишатись своей національности — въ Поль-
щѣ уніати стали ревными роспространителями
польского языка и польского духа среди руси-
новъ. И дѣйствительно дошло до того, що че-
резъ 100—150 лѣтъ въ уніатской церкви латин-
скій и польскій языки вошли во употребленіе
въ перепискахъ епископовъ и духовенства, въ у-
ніатской словесности, въ церковной проповѣди,
даже въ домѣ сельского священника.

Ту коренящуюся въ уніи опасность — опас-
ность утраты своей народности сознавали жи-
тели нашей Червонной Руси и они уніи Бере-
стейской долго не хотѣли приняти. Въ Львовѣ
и Перемышли на епископскихъ престолахъ дальше
засѣдали православныи владыки; польскіи ко-
роли посылали на дармо въ Перемышль уніатскихъ

пископовъ — ихъ православное населеніе, ко-
торымъ тогда руководила наша дробная хо-
лачковая шляхта, проганяли. Не хотѣли прини-
мати уніи многіи изъ шляхты русской, мѣщане
и селяне въ другихъ русскихъ областяхъ Польщи
и Литвы и добылися того, що польскіи короли
принуждены были пристати на выборъ право-
славныхъ митрополитовъ въ Кіевѣ и православ-
ныхъ епископовъ.

Такъ на Руси, подвластной Польщѣ, были
два митрополиты; одинъ православный, другій
уніатскій — оба себе называли кіевскими и „рос-
сійскими", ибо тогда русины по книжному назы-
вали себе россіянами. Православнымъ худо ве-
лось — для нихъ настали горькіи дни — лучше
гометанамъ, кальвинамъ, жидамъ даже ма-
лось лютеранамъ, чѣмъ православнымъ.

Для пониженья вѣры православной церкви
православныи отдавались въ аренду жидамъ, по-
добно якъ корчмы. Розличныи Зельманы пере-
ховували въ своихъ ванькирахъ ключи отъ арен-
дованыхъ церквей и „языки" отъ дзвоновъ и за
кождое подзвонне, за крестины, похороны и вѣн-
чанія якъ и освященье „пасокъ" на Великдень по-
бирали оплаты отъ русского народа и никто не
посмѣе заперечити тому, що оно такъ на Руси
дѣялося, ибо отвѣтомъ на тое суть наши „га-
ѣвки", въ которыхъ спѣваетъ русскій народъ о
тѣхъ арендаторахъ церквей „Зельманахъ, его
братьяхъ и его родинѣ". Воспоминаніе о тѣхъ
Зельманахъ не загинетъ.

Львовская епархія, якъ мы казали не при-
няла уніи Берестейской и осталась православною.
Православнымъ былъ умершій Аѳанасій Адамъ
Желиборскій. Православныи львовяне плакали по
чувши, що смѣлый защитникъ вѣры православно
лежитъ на марахъ — плакала вся Русь отъ Львова
почавши по Каменецъ Подольскій, що уже не
услышитъ голосу ободренія изъ устъ своего до
брого, ревного архипастыря и тяжка тревога об
няла сердца русского духовенства и народа, тре
вога, середъ котрой всякій вопрошалъ себе: що
то будетъ теперь съ нашею церквою?

мѣняли своей вѣрѣ, строили костелы, основ-
вали латинскіи мужескіи и женскіи монастыри
принуждали зависимыхъ отъ себе дворянъ, м-
щанъ, селянъ, или переходити въ латинство, ил
въ унію. Коренная польская шляхта, еще съ пор
Казиміра Вел. заполнившая Червонную Русь
овладѣвшая мало не всѣми ея помѣстьями (до-
брами) и потомъ, по Уніи люблинской 1569 г.
нахлынувшая также Волынь, Литву Подолье и
Украину, тоже даже еще съ большимъ усердіемъ
принялась за роспространеніе римской вѣры и
уніи. На ту унію всѣ тогда смотрѣли яко на
мостъ, черезъ который русины должны были пе-
рейти изъ православія въ латинство — изъ ру-
синовъ статися поляками.

И уніаты дѣйствительно представили изъ
себе такій мостъ. Они еще больше стали не-
навидѣти православныхъ, якъ сами латиняне —
они стались орудіемъ уничтоженія своей народно-
сти. Потому тѣ, которыи хотѣли дальше быти
русинами и хоронити свою отъ прадѣдовъ уна-
слѣдованную народность, видѣли въ право-
славіи головный отпоръ для своей народности
и не хотѣли переходити въ унію.

На дармо писали римскіи папы къ латин-
скимъ и уніатскимъ епископамъ, що унія не дол-
жна уничтожати русской народности, що соеди-
нившіися съ Римомъ народности вообще не дол-
жны лишатись своей національности — въ Поль-
щѣ уніати стали ревными роспространителями
польского языка и польского духа среди руси-
новъ. И дѣйствительно дошло до того, що че-
резъ 100—150 лѣтъ въ уніатской церкви латин-
скій и польскій языки вошли во употребленіе
въ перепискахъ епископовъ и духовенства, въ у-
ніатской словесности, въ церковной проповѣди,
даже въ домѣ сельского священника.

Ту коренящуюся въ уніи опасность — опас-
ность утраты своей народности сознавали жи-
тели нашей Червонной Руси и они уніи Бере-
стейской долго не хотѣли приняти. Въ Львовѣ
и Перемышли на епископскихъ престолахъ дальше
засѣдали православныи владыки; польскіи ко-
роли посылали на дармо въ Перемышль уніатскихъ

епископовъ — ихъ православное населеніе, ко-
торымъ тогда руководила наша дробная хо-
лачковая шляхта, проганяли. Не хотѣли прини-
мати уніи многіи изъ шляхты русской, мѣщане
и селяне въ другихъ русскихъ областяхъ Польщи
и Литвы и добылися того, що польскіи короли
принуждены были пристати на выборъ право-
славныхъ митрополитовъ въ Кіевѣ и православ-
ныхъ епископовъ.

Такъ на Руси, подвластной Польщѣ, были
два митрополиты; одинъ православный, другій
уніатскій — оба себе называли кіевскими и „рос-
сійскими", ибо тогда русины по книжному назы-
вали себе россіянами. Православнымъ худо ве-
лось — для нихъ настали горькіи дни — лучше
велось лютеранамъ, кальвинамъ, жидамъ даже ма-
гометанамъ, чѣмъ православнымъ.

Для пониженья вѣры православной церкви
православныи отдавались въ аренду жидамъ, по-
добно якъ корчмы. Розличныи Зельманы пере-
хововали въ своихъ ванькирахъ ключи отъ арен-
дованыхъ церквей и „языки" отъ дзвоновъ и за
каждое подзвонне, за крестины, похороны и вѣн-
чанія якъ и освященье „пасокъ" на Великдень по-
бирали оплаты отъ русского народа и никто не
посмѣе заперечити тому, що оно такъ на Руси
дѣялося, ибо отвѣтомъ на тое суть наши „га-
дѣвки", въ которыхъ спѣваетъ русскій народъ о
тѣхъ арендаторахъ церквей „Зельманахъ, его
братьяхъ и его родинѣ". Воспоминаніе о тѣхъ
Зельманахъ не загинетъ.

Львовская епархія, якъ мы казали не при-
няла уніи Берестейской и осталась православною.
Православнымъ былъ умершій Аѳанасій Адамъ
Желиборскій. Православныи львовяне плакали по-
чувши, що смѣлый защитникъ вѣры православной
лежитъ на марахъ — плакала вся Русь отъ Львова
почавши по Каменецъ Подольскій, що уже не
услышитъ голосу ободренія изъ устъ своего до-
брого, ревного архипастыря и тяжка тревога об-
няла сердца русского духовенства и народа, тре-
вога, середъ котрой всякій вопрошалъ себе: що
то будетъ теперь съ нашею церквою?

Боязнь та и тревога были оправданы, ибо уже въ нѣсколько дней, по похоронѣ владыки Аѳанасія, рухнула по краю вѣсть, що о владычій престолъ будетъ убѣгатися нѣкій Іоаннъ Шумлянскій, ротмистръ польского войска. Дѣялося тое въ мѣсяци январю 1667 года.

Якже то возможно, спроситъ не одинъ, щобы ротмистръ, то значитъ — человѣкъ войсковый, такій, що до теперь лишь на войнахъ добивался славы для себе, свого роду и ойчизны польской, щобы такій человѣкъ могъ засѣсти на владычѣмъ, русскомъ престолѣ, щобы такій воякъ могъ замѣняти мечъ на жезлъ епископскій. Днесь намъ, жіючимъ въ другихъ обстоятельствахъ, дивнымъ то и невѣроятнымъ выдастся, но въ давной Польщѣ не то, но и много другихъ рѣчей возможными являлося, нынѣ невоможныхъ, въ той Польщѣ, которою головно іезуиты стали управляти и посѣвати зерно самоволія и давати на все розрѣшеніе такъ королю, якъ и панамъ. Въ тогдашнихъ часахъ практиковалося неразъ и такое, що богатый панъ зробитъ своего слугу, на примѣръ эконома — русскимъ священникомъ или и владыкою или даже настоятелемъ (игуменомъ) якого монастыря русского. А робилося все то головно для того, щобы понизити, подорвати повагу русской церкви — щобы, коли на то прійдетъ удобное время, вытыкати пальцемъ поведеніе неправственное и роспустное такихъ епископовъ и игуменовъ, навербованыхъ съ королевскихъ и панскихъ слугъ и казати въ голосъ: вотъ дивѣть, що варта есть ваша русская вѣра, если у васъ такій владыка и такій монахъ — видите сами, що то не рôвня нашей католицкой польской вѣрѣ!

Бѣднѣйшіи панки или офиціалисты великихъ магнатôвъ лакомились на посады русскихъ владыкъ и игуменôвъ русской церкви, щобы тягнути изъ нихъ лишь доходы, набивати ними свои порожныи карманы, щобы было за що роспустно жити на соромъ православной вѣрѣ. Торговали такимъ образомъ въ давной Польщѣ рѣчами святыми, для добра и хвалы ойчизны Польщи засланяючися, що они все то творятъ лишь для

Рима, для католической вѣры и для добра и спасенія душъ!

Такъ то, бачите, дѣялося въ давной Польщѣ, що даже жолнѣръ, убивавшій въ битвѣ людей, имѣлъ потребную квалификацію. Не спрашивали тогда, имѣетъ ли кандидатъ потребныи науки, есть-ли у него званіе до духовного житья, есть-ли онъ религійный, набожный? То все было излишнымъ, непотрѣбнымъ, — головна квалификація состояла въ тôмъ, щобы такій владыка гнобилъ свой русскій народъ.

Такъ отже, якъ мы казали, Іоаннъ Шумлянскій, ротмистръ при сабли и острогахъ, сталъ кандидатомъ на опорожненный, владычій престолъ по бл. п. Аѳанасію Желиборскомъ. Шумлянскій — рыцарь польскій не малой славы, который не въ одной битвѣ надставлялъ голову свою за Польщу и не разъ уже порубаный саблями, носилъ слѣды тѣхъ сабель, а они додавали славы ему, яко заслуженому для ойчизны, патріотѣ.

И тому то было чего боятися духовенству и народу русскому, бо всякій боялся, що въ душѣ Шумлянского нѣтъ мыслей о Бозѣ или вѣрѣ Христовой, нѣтъ дробинки росположенья до церкви русской и ея чадъ. Шумлянскій, гордый на свои военныи заслуги, надѣялся черезъ протекцію польского короля посѣсти владычій престолъ во Львовѣ.

Противъ Шумлянского выступило львовское Ставропигійское братство, то славне братство, которое положило было до теперь великіи заслуги въ защитѣ православія и было головною его опорою на всю Червонную Русь. То братство содерживало въ Львовѣ школу, печатало книги, которыи росходилися по всей Руси, сносилось съ другими такими братствами, якъ въ Вильнѣ, Кіевѣ, Луцку и боронило не только львовскихъ мѣщанъ, отъ преслѣдованій, но и всю русскую народность. То братство воспротивилось назначенію Шумлянского епископомъ и желало видѣти на владычьемъ престолѣ во Львовѣ Евстахія Свистельницкого, человѣка

Боязнь та и тревога были оправданы, и уже въ нѣсколько дней, по похоронѣ владыки Аѳанасія, рухнула по краю вѣсть, що о владычий престолъ будетъ убѣгатися нѣкій Іоаннъ Шумлянскій, ротмистръ польского войска. Дѣялось тое въ мѣсяци январю 1667 года.

Якже то возможно, спроситъ не одинъ, щобы ротмистръ, то значитъ — человѣкъ войсковый, такій, що до теперь лишь на войнахъ добивался славы для себе, свого роду и ойчизны польской, щобы такій человѣкъ могъ засѣсти на владычѣмъ, русскомъ престолѣ, щобы такій воякъ могъ замѣняти мечъ на жезлъ епископскій. Днесь намъ, жіючимъ въ другихъ обстоятельствахъ, дивнымъ то и невѣроятнымъ выдастся, но въ давной Польщѣ не то, но и много другихъ рѣчей возможными являлося, нынѣ невомужныхъ, въ той Польщѣ, которою головно іезуиты стали управляти и посѣвати зерно самоволія и давати на все розрѣшеніе такъ королю, якъ и панамъ. Въ тогдашнихъ часахъ практиковалося неразъ и такое, що богатый панъ зробитъ своего слугу, на примѣръ эконома — русскимъ священникомъ или и владыкою или даже настоятелемъ (игуменомъ) якого монастыря русского. А робилося все то головно для того, щобы понизити, подорвати повагу русской церкви — щобы, коли на то прійдетъ удобное время, вытыкати пальцемъ поведеніе неправственное и распустное такихъ епископовъ и игуменовъ, навербованыхъ съ королевскихъ и панскихъ слугъ и сказати въ голосъ: вотъ дивѣть, що варта есть ваша русская вѣра, если у васъ такій владыка и такій монахъ — видите сами, що то не рôвня нашей католицкой польской вѣрѣ!

Бѣднѣйшіи панки или офиціалисты великихъ магнатôвъ лакомились на посады русскихъ владыкъ и игуменôвъ русской церкви, щобы тягнути изъ нихъ лишь доходы, набивати ними свои порожныи карманы, щобы было за що роспустно жити на соромъ православной вѣрѣ. Торговали такимъ образомъ въ давной Польщѣ рѣчами святыми, для добра и хвалы ойчизны Польщи засланяючися, що они все то творятъ лишь для

[illegible] для католической вѣры и для добра и спасенія душъ!

Такъ то, бачите, дѣялося въ давной Польщѣ, что даже жолнѣръ, убивавшій въ битвѣ людей, имѣлъ потребную квалификацію. Не спрашивали тогда, имѣетъ ли кандидатъ потребныи науки, есть-ли у него званіе до духовного житья, есть-ли онъ религійный, набожный? То все было излишнымъ, непотрѣбнымъ, — головна квалификація состояла въ тôмъ, щобы такій владыка любилъ свой русскій народъ.

Такъ отже, якъ мы казали, Іоаннъ Шумлянскій, ротмистръ при сабли и острогахъ, сталъ кандидатомъ на опорожненный, владычій престолъ по бл. п. Аѳанасію Желиборскомъ. Шумлянскій — рыцарь польскій не малой славы, который не въ одной битвѣ надставлялъ голову свою за Польщу и не разъ уже порубаный саблями, носилъ слѣды тѣхъ сабель, а они додавали славы ему, яко заслуженому для ойчизны, патріотѣ.

И тому то было чего боятися духовенству и народу русскому, бо всякій боялся, що въ душѣ Шумлянского нѣтъ мыслей о Бозѣ или вѣрѣ Христовой, нѣтъ дробинки росположенья до церкви русской и ея чадъ. Шумлянскій, гордый на свои военныи заслуги, надѣялся черезъ протекцію польского короля посѣсти владычій престолъ во Львовѣ.

Противъ Шумлянского выступило львовское Ставропигійское братство, то славне братство, которое положило было до теперь великіи заслуги въ защитѣ православія и было головною его опорою на всю Червонную Русь. То братство содерживало въ Львовѣ школу, печатало книги, которыи росходилися по всей Руси, сносилось съ другими такими братствами, якъ въ Вильнѣ, Кіевѣ, Луцку и боронило не только львовскихъ мѣщанъ, отъ преслѣдованій, но и всю русскую народность. То братство воспротивилось назначенію Шумлянского епископомъ и желало видѣти на владычьемъ престолѣ во Львовѣ Евстахія Свистельницкого, человѣка

тоже шляхоцкого роду, о которомъ думали, що онъ отвѣтнѣйшій на владыку.

Теперь при двохъ тѣхъ кандидатахъ повстали и два сторонництва; за кождымъ изъ кандидатовъ стояли свои приверженцы и всякій могъ надѣятися, що дѣло тое не рѣшится скоро и легко, що тутъ не обойдется безъ борьбы и кровопролитія.

Тогдашній митрополитъ кіевскій Антоній Винницкій узнавши о кончинѣ Аѳанасія Желиборского, пріѣхалъ чѣмъ скорѣйше во Львовъ съ тѣмъ постановленьемъ, щобы на престолѣ владычомъ посадити Свистельницкого.

День выбора былъ назначеный по конецъ января въ церкви катедральной св. Георгія. Тутъ треба сказати, що давнѣйше на Руси были такіи установы, що владыку выбирали духовенство, шляхта и народъ. И ту установу запоручилъ также уніатской церкви Римъ при подписанью уніи Брестейской, но видимъ днесь, що изъ той установы, съ того права, не лишилось и слѣда... Собралось отже много шляхты, духовенства, братства львовскіи, но сторонники Шумлянского, на бѣду, явились скорше и численнѣйше, поставили у дверей входовыхъ церкви свою сторожу и до середины храма впускали лишь сторонниковъ своихъ. Митрополитъ увидѣвши, на що тутъ заносится, що готовъ выйти избраннымъ Шумлянскій, запротестовалъ противъ такого своевольного поведенія сторонниковъ Шумлянского, до голосованья не допустилъ и собраніе розвязалъ. Но сторонники ротмистра Шумлянского не гадали такъ скоро и легко уступити. Они собрали ся заразъ въ одномъ приватномъ домѣ и тамъ перевели выборы Шумлянского, такъ якъ сей стоялъ посредѣ нихъ въ мундурѣ войсковомъ, при саблѣ и острогахъ, и оголосили его владыкою львовскимъ. Шумлянскій заразъ съ тѣмъ актомъ выбора поѣхалъ въ Варшаву, просилъ о послуханье у короля и предложилъ ему тотъ актъ своего выбора до затвердженья.

Ротмистръ-владыка и его сторонники роздумуютъ.

Сторонники Свистельницкого не уступали. Митрополитъ Винницкій перевелъ у св. Юра выборъ по приписаной формѣ Аѳанасія Свистельницкого и выборъ тотъ предложилъ королеви до затвердженья, а король выборъ той затвердилъ. Но Шумлянскій якъ и его сторонники не падали духомъ а надѣялися, при помочи вліятельныхъ іезуитовъ, уничтожити декретъ затверджаючій выборъ Свистельницкого, бо знали, що у короля, который имѣлъ дуже ограничену власть, дастся осягнути. Но сторонники Шумлянского стали поважнѣйше застанавлятися надъ тѣмъ, удастся ли ротмистру Шумлянскому замѣняти саблю на жезлъ и збрую войсковую на митру. Тажъ онъ мірскій человѣкъ — не священникъ — говорили межи собою — и многіи такимъ кандидатомъ на владычій престолъ соблазнялись. Вопросъ якъ выйти изъ того клопотливого положенья заставлялъ призадуматись такъ самого Шумлянского, якъ и его приверженцевъ.

Трудность та не давалася иначе усунути, лишь треба было скинути мундиръ, зложити саблю и пойти въ якійсь монастырь, або тогда на Руси епископовъ можна было выбирати только изъ монашеского духовенства. И Шумлянскій отправился въ монастырь, въ Скитъ Манявскій и принялъ монашеское имя Іосифъ. Его рукоположили также въ священники и онъ сталъ оглядатися, якъ бы то получити посвященье высшое на владыку съ рукъ митрополита. Но тутъ заходила новая трудность, такъ, якъ митрополитъ Ант. Винницкій, былъ сторонникомъ Свистельницкого, якъ мы то уже высше сказали; тому удался Шумлянскій въ дорогу до Яссъ въ Молдавіи, до тамошнёго митрополита и просилъ его о посвященіи въ владыки. И было бы ему то удалося безъ труда, если бы не мѣщане львовскіи Папари и Мазараки, которыи отнеслися заблаговременно до митрополита того, представили ему цѣлое дѣло подробно, вслѣдствіе чего Шумлянскій посвященія не получилъ, а кромѣ того попалъ въ велику бѣду.

тоже шляхоцкого роду, о которомъ думали, що онъ отвѣтнѣйшій на владыку.

Теперь при двохъ тѣхъ кандидатахъ повстали и два сторонництва; за кождымъ изъ кандидатовъ стояли свои приверженцы и всякій могъ надѣятися, що дѣло тое не рѣшится скоро и легко, що тутъ не обойдется безъ борьбы и кровопролитія.

Тогдашній митрополитъ кіевскій Антоній Винницкій узнавши о кончинѣ Аѳанасія Желиборского, пріѣхалъ чѣмъ скорѣйше во Львовъ съ тѣмъ постановленьемъ, щобы на престолѣ владычомъ посадити Свистельницкого.

День выбора былъ назначеный по конецъ января въ церкви катедральной св. Георгія. Тутъ треба сказати, що давнѣйше на Руси были такіи установы, що владыку выбирали духовенство, шляхта и народъ. И ту установу запоручилъ также уніатской церкви Римъ при подписанью уніи Брестейской, но видимъ днесь, що изъ той установы, съ того права, не лишилось и слѣда... Собралось отже много шляхты, духовенства, братства львовскіи, но сторонники Шумлянского, на бѣду, явились скорше и численнѣйше, поставили у дверей входовыхъ церкви свою сторожу и до середины храма впускали лишь сторонниковъ своихъ. Митрополитъ увидѣвши, на що тутъ заносится, що готовъ выйти избраннымъ Шумлянскій, запротестовалъ противъ такого своевольного поведенія сторонниковъ Шумлянского, до голосованья не допустилъ и собраніе розвязалъ. Но сторонники ротмистра Шумлянского не гадали такъ скоро и легко уступити. Они собрали ся заразъ въ одномъ приватномъ домѣ и тамъ перевели выборы Шумлянского, такъ якъ сей стоялъ посредѣ нихъ въ мундурѣ войсковомъ, при саблѣ и острогахъ, и оголосили его владыкою львовскимъ. Шумлянскій заразъ съ тѣмъ актомъ выбора поѣхалъ въ Варшаву, просилъ о послуханье у короля и предложилъ ему тотъ актъ своего выбора до затвердженья.

Ротмистръ-владыка и его сторонники роздумуютъ.

Сторонники Свистельницкого не уступали. Митрополитъ Винницкій перевелъ у св. Юра выборъ по приписаной формѣ Аѳанасія Свистельницкого и выборъ тотъ предложилъ королеви до затвердженья, а король выборъ той затвердилъ. Но Шумлянскій якъ и его сторонники не падали духомъ а надѣялися, при помочи вліятельныхъ іезуитовъ, уничтожити декретъ затверджаючій выборъ Свистельницкого, бо знали, що у короля, который имѣлъ дуже ограничену власть, дастся осягнути. Но сторонники Шумлянского стали поважнѣйше застанавлятися надъ тѣмъ, удастся ли ротмистру Шумлянскому замѣняти саблю на жезлъ и збрую войсковую на митру. Тажъ онъ мірскій человѣкъ — не священникъ — говорили межи собою — и многіи такимъ кандидатомъ на владычій престолъ соблазнялись. Вопросъ якъ выйти изъ того клопотливого положенья заставлялъ призадуматись такъ самого Шумлянского, якъ и его приверженцевъ.

Трудность та не давалася иначе усунути, лишь треба было скинути мундиръ, зложити саблю и пойти въ якійсь монастырь, або тогда на Руси епископовъ можна было выбирати только изъ монашеского духовенства. И Шумлянскій отправился въ монастырь, въ Скитъ Манявскій и принялъ монашеское имя Іосифъ. Его рукоположили также въ священники и онъ сталъ оглядатися, якъ бы то получити посвященье высшое на владыку съ рукъ митрополита. Но тутъ заходила новая трудность, такъ, якъ митрополитъ Ант. Винницкій, былъ сторонникомъ Свистельницкого, якъ мы то уже высше сказали; тому удался Шумлянскій въ дорогу до Яссъ въ Молдавіи, до тамошнёго митрополита и просилъ его о посвященіи въ владыки. И было бы ему то удалося безъ труда, если бы не мѣщане львов- и Іоларі и Мазараки, которыи отнеслися заблаременно до митрополита того, представили цѣлое дѣло подробно, вслѣдствіе чего Шунскій посвященія не получилъ, а кромѣ того алъ въ велику бѣду.

Тамошній владѣтель, званый г сподаремъ, приказалъ арестовати Шумлянского, яко опасного церковного ворохобника, который безъ нужныхъ свойствъ и способностей хоче посѣсти в адычій престолъ — и хотѣлъ его передати въ руки Турціи. Но вконцѣ удалося Шумлянскому поладити дѣло съ господаремъ волошскимъ и уйти турецкой неволи Кромѣ того представился для его плановъ благопріятный случай. Подъ тую пору перебывали на Волощинѣ два митрополиты греческіи нѣкій Софроній, митрополитъ Филиповскій, Теофанъ, митрополитъ Хіосскій и Даніилъ, архимандритъ іерусалимскій. Они то, всѣ три, были тогда въ дорозѣ въ Москву за милостинею и переѣздили черезъ Молдавію. Корыстая изъ той нагоды Шумлянскій, навязалъ знакомство съ ними, розсказалъ имъ о своихъ клопотахъ, а наконецъ удалось ему позыскати ихъ для себе и наклонити до того, що всѣ три поѣхали съ Шумлянскимъ до своего городка Высочки и тутъ удѣлили ему посвященіе въ владыки львовскіи.

Шумлянскій идетъ въ гору.

Имѣючи декретъ освященья на владыку въ рукахъ, вертае Шумлянскій изъ Волощины до Львова и оглядаеся тутъ за сильными протекторами для себе. И такъ удается онъ до епископа польского Іоанна Тарновского, проситъ его о протекцію, а за тое обѣщае, що скоро лишь засяде на престолѣ владычомъ, прійме заразъ его діецезія унію съ Римомъ. Тарновскій, чуючи то, урадовался дуже и сталъ на сторонѣ Шумлянского, и по истинѣ, своимъ личнымъ вліяніемъ, якъ и посредствомъ езуитовъ, доказалъ того, що тогдашный король Янъ Казиміръ затвердилъ дня 26-ого іюня 1668 г. Шумлянского, яко владыку львовского, а скорше выданый такійже декретъ въ корысть Свистельницкого откликалъ.

Такъ отже доступилъ Шумлянскій своей цѣли — вопросъ былъ лишь въ томъ, якъ то завладѣти самымъ престоломъ владычьимъ? И отъ чого жь зачинае владыка Шумлянскій свою архи-

ску дѣятельность?... Може посланіемъ па-
рскимъ, якъ то теперь водится? Где тамъ!
, хотя уже посвященъ на владыку, начинае
ояцки свою ро оту. Вербуе собѣ доброволь-
ъ-вояковъ, знаны въ краѣ забіякъ и гала-
дниковъ, и всѣ и, надлежаще узброены,
ятся провожати Шумлянского и насиліемъ
адити на престолѣ св. Юрскомъ. Въ сопро-
ожденіи такихъ людей владыка вырушае въ по-
ходъ изъ Высочки до Львова. Дивный образъ
представляла цѣла тота ватага на коняхъ, воору-
женная, подъ проводомъ владыки Шумлянского.
Была то радше шайка своевольныхъ опрышковъ,
которыи по дорозѣ допускалися грабежей на на-
родѣ для выживленья себе и коней, которыи до-
пускалися насилія и кривдъ. Народъ въ окрест-
ностяхъ, куда переѣзжала тота ватага, возносилъ
лишь руки къ небу, взывалъ помсти Божой на
грабителей, проклиналъ ихъ и ихъ вожда вла-
дыку, который позвалялъ той своей гвардіи очай-
душной на беззаконія, допускалъ дѣлати народу
кривды и такъ уже до крайности истощенному.

Сторонники Свистельницкого дрожали те-
перь, щобы не попасти въ руки надближающойся
той ватаги, котора и готова была на все подъ
покровительствомъ владыки Шумлянского. И такъ
палъ жертвою Петръ Копыстянскій въ Ко-
ломыѣ, подозрѣваемый яко сторонникъ Свистель-
ницкого; попався въ руки ватаги и Гедеонъ
Струсь, монахъ-василіянинъ за то, що выбирал
данины для митрополита кіевского, Винницкого.
Въ Крылосѣ, коло Галича, где была палата вла-
дыкъ львовскихъ, обрабовалъ Шумлянскій и ув-
знилъ сродниковъ Свистельницкого — Березо-
скихъ и Кропивницкихъ.

Вѣсти о тѣхъ дикихъ подвигахъ владыки
Шумлянского дошли и до Львова и занепокоил
дуже св. Юръ. Съ концемъ марта Шумлянск
явился въ Львовѣ, но не рѣшился здобувати н
силіемъ, при помочи своихъ опрышковъ, вл
дычого престола, но заблагоразсудилъ доходи
своихъ правъ въ дорозѣ правной и тому вне
на Свистельницкого протестъ до магистрата.
въ тогдашныхъ часахъ, коли шляхта заявля

Тамошній владѣтель, званый господаремъ, приказалъ арестовати Шумлянского, яко опасного церковного ворохобника, который безъ нужныхъ свойствъ и способностей хоче посѣсти владычій престолъ — и хотѣлъ его передати въ руки Турціи. Но вконцѣ удалося Шумлянскому поладити дѣло съ господаремъ волошскимъ и уйти турецкой неволи. Кромѣ того представился для его плановъ благопріятный случай. Подъ тую пору перебывали на Волощинѣ два митрополиты греческіи нѣкій Софроній, митрополитъ Филиповскій, Теофанъ, митрополитъ Хіосскій и Даніилъ, архимандритъ іерусалимскій. Они то, всѣ три, были тогда въ дорозѣ въ Москву за милостинею и переѣздили черезъ Молдавію. Корыстая изъ той нагоды Шумлянскій, навязалъ знакомство съ ними, розсказалъ имъ о своихъ клопотахъ, а наконецъ удалось ему позыскати ихъ для себе и наклонити до того, що всѣ три поѣхали съ Шумлянскимъ до своего городка Высочки и тутъ удѣлили ему посвященіе въ владыки львовскій.

Шумлянскій идетъ въ гору.

Имѣючи декретъ освященья на владыку въ рукахъ, вертае Шумлянскій изъ Волощины до Львова и оглядаеся тутъ за сильными протекторами для себе. И такъ удается онъ до епископа польского Іоанна Тарновского, проситъ его о протекцію, а за тое обѣщае, що скоро лишь засяде на престолѣ владычомъ, пріймe заразъ его діецезія унію съ Римомъ. Тарновскій, чуючи то, урадовался дуже и сталъ на сторонѣ Шумлянского, и по истинѣ, своимъ личнымъ вліяніемъ, якъ и посредствомъ Іезуитовъ, доказалъ того, що тогдашный король Янъ Казиміръ затвердилъ дня 26-ого іюня 1668 г. Шумлянского, яко владыку львовского, а скорше выданый такійже декретъ въ корысть Свистельницкого откликалъ.

Такъ отже доступилъ Шумлянскій своей цѣли — вопросъ былъ лишь въ томъ, якъ то завладѣти самымъ престоломъ владычьимъ? И отъ чого жь зачинае владыка Шумлянскій свою архи-

йску дѣятельность?... Може посланіемъ папскимъ, якъ то теперь водится? Где тамъ! Онъ, хотя уже посвященъ на владыку, начинае вояцки свою роботу. Вербуе собѣ добровольцовъ-вояковъ, знаны въ краѣ забіякъ и галадниковъ, и всѣ они, надлежаще узброены, ймутся провожати Шумлянского и насиліемъ посадити на престолѣ св. Юрскомъ. Въ сопровожденіи такихъ людей владыка вырушае въ походъ изъ Высочки до Львова. Дивный образъ представляла цѣла тота ватага на коняхъ, вооруженная, подъ проводомъ владыки Шумлянского. Была то радше шайка своевольныхъ опрышковъ, которыи по дорозѣ допускалися грабежей на народѣ для выживленья себе и коней, которыи допускалися насилія и кривдъ. Народъ въ окрестностяхъ, куда переѣзжала тота ватага, возносилъ лишь руки къ небу, взывалъ помсти Божой на грабителей, проклиналъ ихъ и ихъ вожда владыку, который позвалялъ той своей гвардіи очайдушной на беззаконія, допускалъ дѣлати народу кривды и такъ уже до крайности истощенному.

Сторонники Свистельницкого дрожали теперь, щобы не попасти въ руки надближающойся той ватаги, котора и готова была на все подъ покровительствомъ владыки Шумлянского. И такъ палъ жертвою Петръ Копыстянскій въ Коломыѣ, подозрѣваемый яко сторонникъ Свистельницкого; попався въ руки ватаги и Гедеонъ Струсь, монахъ-василіянинъ за то, що выбиралъ данины для митрополита кіевского, Винницкого. Въ Крылосѣ, коло Галича, где была палата владыкъ львовскихъ, обрабовалъ Шумлянскій и увязнилъ сродниковъ Свистельницкого — Березовскихъ и Кропивницкихъ.

Вѣсти о тѣхъ дикихъ подвигахъ владыки Шумлянского дошли и до Львова и занепокоили дуже св. Юръ. Съ концемъ марта Шумлянскій явился въ Львовѣ, но не рѣшился здобувати насиліемъ, при помочи своихъ опрышковъ, владычого престола, но заблагоразсудилъ доходити своихъ правъ въ дорозѣ правной и тому внесъ на Свистельницкого протестъ до магистрата. Но въ тогдашныхъ часахъ, коли шляхта заявляла

свои протесты саблею, - паперовыи протесты не имѣли ваги и тому то митрополитъ дѣлалъ спокойно приготовленія до введенія въ дожность подтвердженного собою владыки Свистельницкого. Рѣшеніе короля въ корысть Шумлянского не устрашило Свистельницкого, ни митрополита. Они знали добре, якъ и ихъ сторонники, що у короля власть слаба, почти ніяка, и кто сильный, у кого сторонники, тотъ успѣетъ выбороти собѣ справу на свою корысть, не оглядаючись на короля и его декреты.

Многіи изъ шляхты, що стояли по сторонѣ сего владыки, повертаючи изъ соймика въ Судовой Вишнѣ, згромадили ся на горѣ св. юрской. Щоденно заѣзжали возы, нагруженныи всякими съѣстными приписами призначеными на принятіе гостей по инсталяціи владыки. Шумлянскій однакъ лишь притворялся спокойнымъ — онъ напротивъ ходилъ дуже старанно около своего дѣла, которое и заповѣдало полный успѣхъ ему. Та на сторонѣ его стоялъ его стрый Александеръ, чесникъ подольскій и часть шляхты червонорусской, а що найважнѣйше, также Казиміръ Замойскій, подполковникъ королевскій, комендантъ Высокого Замка въ Львовѣ, давный товаришъ военный Шумлянского. По ночахъ велися тайныи нарады, о чѣмъ ничого не зналъ ни Свистельницкій, ни его сторонники. А тутъ заносилося на велику рѣчь. Комендантъ замку Замойскій передалъ Шумлянскому до его розпорядимости своихъ драгоновъ. Шумлянскій собирае до того еще и часть мѣщанства русского, подкупленого грошемъ и его вооружаетъ. Такъ висѣла въ воздусѣ гроза, изъ которой посыпалися громы, якихъ до сей поры еще не видѣла Св. Юрская гора.

Нападъ.

Минулъ день 18 го апрѣля, тихій день весняный. Въ палатѣ Св. Юрской, по вечерѣ раньшой, положились всѣ спати, ибо на завтра назначено отпраздновати инсталяцію владыки Свистельницкого. И въ мѣстѣ около полуночи все

затихло, лишь на горѣ замковой залога не спитъ, такъ якъ готовится до якоись выправы военной. Межи драгонами крутится и шляется вооруженное мѣщанство и самъ Шумлянскій, которого поведеніе обнаруживало великій душевный неспокой.

Пробилъ первый часъ по полуночи на вежѣ ратушевой, якъ съ горы замковой вырушило около 700 вооруженныхъ людей на завоеванье горы Св. Юрской. Гора та не была совсѣмъ укрѣплена, — входъ отъ стороны улицы былъ запертый лишь воротами, которыи не выдержали ударовъ атакующихъ и розлетѣлись. Подворье палати заняли напастники легко. Пало нѣсколько выстрѣловъ, отъ которыхъ позрывались перестрашенныи изъ сна и выбѣгали на подворье, где на нихъ нападали, рубали и убивали. Шляхта, що почевала на горѣ Св. Юрской, сторонники Свистельницкого, хватила за оружіе и такъ завязалась завзятая борьба, сѣча саблями середъ крику и воплей и общей тревоги. Головна однакъ атака свернулася противъ палаты владычей, где напастники шукали двохъ жертвъ своихъ — митрополита и Свистельницкого. Щобы увѣритись въ успѣсѣ, заряжено, щобы палату окружити вокругъ и только тогда часть напастниковъ вдерлася до середины палаты шукаючи своихъ жертвъ.

Напастники впали и до комнаты, въ которой ночевали женщины — нѣкая Анастазія Дзюшанка, тётка митрополита, Анастазія Гордынска и василіянки изъ монастыря Смольницкого. Напастники обрабовали тѣ женщины и обругали скверными простацкими словами.

Митрополитъ, узнавши о всемъ, заперся въ одной кельѣ (Св. Юръ былъ тогда монастыремъ а у монаховъ комнаты такъ зовутся) съ нѣсколькими людьми и тихо сидѣлъ, не желая открыти себе. Но коли напастники перебушевали всю палату и нигде не найшли митрополита, догадались, що онъ непремѣнно лишь въ одной изъ монашескихъ келій находится. Перешукали келіи и одну нашли запертую. Зачали рубати двери той келіи середъ зловѣщихъ криковъ: дайте намъ лишь того Винницкого! Не было другого выхода для Винницкого, лишь спасати себе бѣгствомъ

свои протесты саблею, паперовыи протесты не имѣли ваги и тому то митрополитъ дѣлалъ спокойно приготовленія до введенія въ должность подтвердженного собою владыки Свистельницкого. Рѣшеніе короля въ корысть Шумлянского не устрашило Свистельницкого, ни митрополита. Они знали добре, якъ и ихъ сторонники, що у короля власть слаба, почти ніяка, и кто сильный, у кого сторонники, тотъ успѣетъ выбороти собѣ справу на свою корысть, не оглядаючись на короля и его декреты.

Многіи изъ шляхты, що стояли по сторонѣ сего владыки, повертаючи изъ соймика въ Судовой Вишнѣ, згромадили ся на горѣ св. юрской. Щоденно заѣзжали возы, нагруженыи всякими съѣстными приписами призначеными на принятіе гостей по инсталяціи владыки. Шумлянскій однакъ лишь притворялся спокойнымъ — онъ напротивъ ходилъ дуже старанно около своего дѣла, которое и заповѣдало полный успѣхъ ему. Та на сторонѣ его стоялъ его стрый Александеръ, чесникъ подольскій и часть шляхты червонорусской, а що найважнѣйше, также Казиміръ Замойскій, подполковникъ королевскій, командантъ Высокого Замка въ Львовѣ, давный товаришъ военный Шумлянского. По ночахъ велися тайныи нарады, о чѣмъ ничого не зналъ ни Свистельницкій, ни его сторонники. А тутъ заносилося на велику рѣчь. Командантъ замку Замойскій передалъ Шумлянскому до его розпорядимости своихъ драгоновъ. Шумлянскій собирае до того еще и часть мѣщанства русского, подкупленого грошемъ и его вооружаетъ. Такъ висѣла въ воздусѣ гроза, изъ которой посыпалися громы, якихъ до сей поры еще не видѣла Св. Юрская гора.

Нападъ.

Минулъ день 18 го апрѣля, тихій день весняный. Въ палатѣ Св. Юрской, по вечерѣ раньшой, положились всѣ спати, ибо на завтра назначено отпраздновати инсталяцію владыки Свистельницкого. И въ мѣстѣ около полуночи все

затихло, лишь на горѣ замковой залога не спитъ, такъ якъ готовится до якоись выправы военной. Межи драгонами крутится и шляется вооруженное мѣщанство и самъ Шумлянскій, которого поведеніе обнаруживало великій душевный неспокой.

Пробилъ первый часъ по полуночи на вежѣ ратушевой, якъ съ горы замковой вырушило около 700 вооруженныхъ людей на завоеванье горы Св. Юрской. Гора та не была совсѣмъ укрѣплена, — входъ отъ стороны улицы былъ запертый лишь воротами, которыи не выдержали ударовъ стукающихъ и розлетѣлись. Подворье палати заняли напастники легко. Пало нѣсколько выстрѣловъ, отъ которыхъ позрывались перестрашенныи изъ сна и выбѣгали на подворье, где на нихъ нападали, рубали и убивали. Шляхта, що почевала на горѣ Св. Юрской, сторонники Свистельницкого, хватила за оружіе и такъ завязалась завзятая борьба, сѣча саблями середъ крику и воплей и общей тревоги. Головна однакъ атака свернулася противъ палаты владычей, где напастники шукали двохъ жертвъ своихъ — митрополита и Свистельницкого. Щобы увѣритись въ успѣсѣ, заряжено, щобы палату окружити вокругъ и только тогда часть напастниковъ вдерлася до середины палаты шукаючи своихъ жертвъ.

Напастники впали и до комнаты, въ которой ночевали женщины — нѣкая Анастазія Дзюшанка, тётка митрополита, Анастазія Гордынска и василіянки изъ монастыря Смольницкого. Напастники обрабовали тѣ женщины и обругали скверными, простацкими словами.

Митрополитъ, узнавши о всемъ, заперся въ одной кельѣ (Св. Юръ былъ тогда монастыремъ а у монаховъ комнаты такъ зовутся) съ нѣсколькими людьми и тихо сидѣлъ, не желая открыти себе. Но коли напастники перебушевали всю палату и нигде не найшли митрополита, догадались, що онъ непремѣнно лишь въ одной изъ монашескихъ келій находится. Перешукали келіи и одну нашли запертую. Зачали рубати двери той келіи середъ зловѣщихъ криковъ: дайте намъ лишь того Винницкого! Не было другого выхода для Винницкого, лишь спасати себе бѣгствомъ

черезъ окно. Вскорѣ двери розлетѣлись подъ ударами бердышей*) и напастники впали до келіи въ хвилѣ, коли митрополитъ спускался черезъ окно. Доглянулъ его одинъ изъ напастниковъ и ударилъ саблею по головѣ. митрополитъ упалъ на землю и середъ ночной темрявы сталъ утѣкати въ сторону города. Одинъ однакъ изъ напастниковъ сталъ ловити его. И былъ-бы непремѣнно поплатился митрополитъ жизнью, если бы не золотый ланцухъ, который митрополитъ снявъ съ себе, отдалъ напастнику со словами: На тобѣ, уступися, даруй мнѣ жизнь! Напастникъ, удоволился добычею и такъ пустилъ митрополита на свободу. Прочіи напастники вдерлися въ палату и монашескіи кельи — взялися до грабежа и зрабовали все, що тамъ находилось. Забрали всѣ дорогоцѣнныи вещи, митрополиту дорогую церковную утварь, даже архивъ епископскій роскинули. — Самопонятно, що инсталяція, назначена на 19-ое апрѣля, не состоялась — а гора св. Юрска выглядала якъ бы по нападѣ татаръ, опустошена, обрабована, обагренная кровью. На подворью и внутри зданій лежало мертвыхъ нѣскольконадцятъ людей, священниковъ и шляхты, раненыхъ а многихъ забрали напастники повязаныхъ съ собою.

Свистельницкій думае объ отплатѣ.

Напастники не найшли Свистельницкого. Онъ теперь, прибитый горемъ, опустилъ Львовъ и удался до Галича, где жило много его сторонниковъ и тутъ сталъ думати о мести на Шумлянскомъ. До свого однако дѣла забирался спокойно, розважно. Онъ занялъ подъ свой зарядъ Крылосъ и прочіи имѣнія епископскіи, приналежавшіи владыкамъ львовскимъ, оголосилъ себе законнымъ владыкою и яко такій выступалъ всюда, устроивая богослуженія публичныи, при великой участи народа, и собиралъ по примѣру Шумлянского,

*) Бердышъ-копье съ топоромъ.

оруженную силу изъ подобныхъ, очайдушныхъ
біякъ и авантурниковъ. Устройствомъ той гвар
занялся зять Свистельницкого, — Самуил
опивницкій, котрый получилъ отъ тестя на ту
ль 30 тысячъ зл. польскихъ.

Черезъ цѣлый годъ Свистельницкій не ру
ался далеко изъ Крылоса, только визитовал
сѣдны церкви, заводилъ новыи порядки, однак
е спускалъ съ ока своего противника, Шумля
ского. На видъ притворялся будто онъ и не д
мае о своемъ противнику и то такъ удатно, ш
тотъ чувствовалъ себе безпечнымъ. Получивш
еще одну грамоту на епископство отъ коро
Яна Казимира, вырушилъ Шумлянскій въ тов
ришествѣ своихъ братей, Александра и Самуил
вооруженно на Галичъ, затѣмъ забралъ Крылос
а Свистельницкій, не будучи еще совсемъ приг
тованный до обороны, долженъ былъ утѣкат
Шумлянскій торжествовалъ, що такъ легко уд
лося ему заняти Галичъ, и не предполагалъ, ш
будучность укрывае для него прикрыи неож
данности.

Духовенство галицкое якъ и мѣщанст
стояло твердо по сторонѣ Свистельницкого, то
поймемъ, що Шумлянскому невесело жилося
Галичѣ, где почти никто не призналъ его влад
кою. Шумлянскій сидѣлъ въ Галичѣ будто
вязницѣ, не могъ нигде показатися на улиц
бо люди ругали его и даже камѣнями обкидова
а коли хотѣлъ заняти, яко владыка, торжествен
церковь Рождества Христова, возникли съ
причины великіи замѣшательства. Мѣщане у
рили въ звоны на тревогу, збѣглося множес
народа и были бы Шумлянского убили на мѣс
якъ бы не его гвардія узброена, котора сил
стерегла своего пана. Та неудача, якую потерп
Шумлянскій въ Галичѣ, дуже пригнобила
и онъ удался теперь до Крылоса и тамъ въ
шинѣ роздумывалъ надъ своимъ положень
Такъ минали ему тутъ спокойно дни, якъ пе
его попереднику — а не надѣючися ничого з
отпустилъ большую часть свой гвардіи до д

Свистельницкій и зять его Кропивн
отгадали плянъ Шумлянского и рѣшили от
тити ему такимъ самымъ нападомъ, якого пе
годомъ допустился Шумлянскій на горѣ
Юрской.

черезъ окно. Вскорѣ двери розлетались подъ ударами бердышей*) и напастники впали до келіи въ хвилѣ, коли митрополитъ спускался черезъ окно. Доглянулъ его одинъ изъ напастниковъ и ударилъ саблею по головѣ. митрополитъ упалъ на землю и середъ ночной темрявы сталъ утѣкати въ сторону города. Одинъ однакъ изъ напастниковъ сталъ ловити его. И былъ-бы непремѣнно поплатился митрополитъ жизнью, если бы не золотый ланцухъ, который митрополитъ снявъ съ себе, отдалъ напастнику со словами: На тобѣ, уступися, даруй мнѣ жизнь! Напастникъ, удовольлился добычею и такъ пустилъ митрополита на свободу. Прочіи напастники вдерлися въ палату и монашескіи кельи — взялися до грабежа и зрабовали все, що тамъ находилось. Забрали всѣ дорогоцѣнныя вещи, митрополиту дорогую церковную утварь, даже архивъ епископскій роскинули. — Самопонятно, що инсталяція, назначена на 19-ое апрѣля, не состоялась — а гора св. Юрска выглядала якъ бы по нападѣ татаръ, опустошена, обрабована, обагренная кровью. На подворью и внутри зданій лежало мертвыхъ нѣсколькоонадцятъ людей, священниковъ и шляхты, сторонниковъ Свистельницкого — много было раненыхъ а многихъ забрали напастники повязаныхъ съ собою.

Свистельницкій думае объ отплатѣ.

Напастники не найшли Свистельницкого. Онъ теперь, прибитый горемъ, опустилъ Львовъ и удался до Галича, где жило много его сторонниковъ и тутъ сталъ думати о мести на Шумлянскомъ. До свого однако дѣла забирался спокойно, осторожно. Онъ занялъ подъ свой зарядъ Крылосъ и прочіи имѣнія епископскіи, приналежавшіи владыкамъ львовскимъ, оголосилъ себе законнымъ владыкою и яко такій выступалъ всюда, устроивая богослуженія публичныи, при великой участи народа, и собиралъ по примѣру Шумлянского,

*) Бердышъ-копье съ топоромъ.

вооруженную силу изъ подобныхъ, очайдушныхъ забіякъ и авантурниковъ. Устройствомъ той гвардіи занялся зять Свистельницкого, — Самуилъ Кропивницкій, котрый получилъ отъ тестя на тую цѣль 30 тысячъ зл. польскихъ.

Черезъ цѣлый годъ Свистельницкій не рушался далеко изъ Крылоса, только визитовалъ сосѣдны церкви, заводилъ новыи порядки, однакъ не спускалъ съ ока своего противника, Шумлянского. На видъ притворялся будто онъ и не думае о своемъ противнику и то такъ удатно, що тотъ чувствовалъ себе безпечнымъ. Получивши еще одну грамоту на епископство отъ короля Яна Казимира, вырушилъ Шумлянскій въ товаришествѣ своихъ братей, Александра и Самуила вооруженно на Галичъ, затѣмъ забралъ Крылосъ а Свистельницкій, не будучи еще совсемъ приготованный до обороны, долженъ былъ утѣкати. Шумлянскій торжествовалъ, що такъ легко удалося ему заняти Галичъ, и не предполагалъ, що будучность укрывае для него прикрыи неожиданности.

Духовенство галицкое якъ и мѣщанство стояло твердо по сторонѣ Свистельницкого, тожъ поймемъ, що Шумлянскому невесело жилося въ Галичѣ, где почти никто не призналъ его владыкою. Шумлянскій сидѣлъ въ Галичѣ будто въ вязницѣ, не могъ нигде показатися на улицю, бо люди ругали его и даже камѣнями обкидовали, а коли хотѣлъ заняти, яко владыка, торжественно церковь Рождества Христова, возникли съ той причины великіи замѣшательства. Мѣщане ударили въ звоны на тревогу, збѣглося множество народа и были бы Шумлянского убили на мѣсци, якъ бы не его гвардія узброена, котора сильно стерегла своего пана. Та неудача, якую потерпѣлъ Шумлянскій въ Галичѣ, дуже пригнобила его и онъ удался теперь до Крылоса и тамъ въ тишинѣ роздумывалъ надъ своимъ положеньемъ. Такъ минали ему тутъ спокойно дни, якъ перше его попереднику — а не надѣючися ничого злого отпустилъ большую часть свой гвардіи до дому.

Свистельницкій и зять его Кропивницкій отгадали плянъ Шумлянского и рѣшили отплатити ему такимъ самымъ нападомъ, якого передъ годомъ допустился Шумлянскій на горѣ Св. Юрской.

Въ ночи 21 іюля 1668 года надъ ранкомъ окружило мѣщанство галицкое съ Кропивницкимъ въ главѣ палату въ Крылосѣ а прочіи, съ великимъ крикомъ и шумомъ среди выстрѣловъ, вдерлися до середины палаты. Кропивницкій выпережае другихъ и кричитъ неистово: „Пустѣтъ мене, я самъ справлюся съ Шумляньскимъ! Впадае до комнаты, где спалъ Шумлянскій и стрѣляе въ него — но коли не попалъ, стрѣляе съ лука и попалъ въ грудь Шумлянского, такъ що досыть тяжко ранилъ его. Мало сего — раненого выт гнули съ постели, били и ругали и счастье, то не забили. Онъ чуть не погибъ въ ту минуту! Раненого брата его Самуила и службу перебили и такъ перестрашили, що она утѣкала и скрывалась, где кто могъ. На мѣстцѣ лишились лишь побити — ранены, Мѣщане, яко побѣдители, ликовали и проклинали унію и ей сторонниковъ — іезуитовъ и пановъ.

Кропивницкій ограбилъ Крылосъ до чиста. Надъ раномъ двинулись въ дорогу нагруженныи добычею возы зъ двома плѣнниками, обома Шумлянскими, повязанными. Того табора стерегла гвардія Свистельницкого съ зятемъ его въ главѣ. Походъ ишолъ до села Подгородья.

По дорозѣ однако удалося обомъ братьямъ Шумлянскимъ утечи и скритися. Якимъ способомъ имъ то удалось, никто не могъ узнати. Може который изъ службы допомогъ имъ до того, а може ктось, подкупленный золотомъ, поростиналъ мотузы на плѣненыхъ — досыть що удалось имъ утечи и уйти мести Свистельницкого и Кропивницкого. Коли то спостерѣгъ той послѣдній, мало не сошелъ съ ума отъ отчаянія. Положенье то его якъ и тестя въ одной хвилѣ перемѣнилось на горше, бо опасность изъ стороны Шумлянского на ново теперь имъ грозила. Не помогли нищо розосланы въ погоню на всѣ стороны люди — бѣглецовъ не нашли.

Оба братя укрилися не далеко въ гущавинѣ багна, где просидѣли нѣсколько часовъ а послѣ пошали до Котовского, тогдашнёго управителя замка въ Подгородьѣ, который приняль ихъ ра-

до до себе. Шумлянскій раненый отлежалъ т якійсь часъ а Самуилъ, въ чужой одежѣ уда до магистрата галицкого, где внесъ протест жалобу на Свистельницкого за нападъ, рабун и оскорбленіе нанесенное чину епископск брата.

Шумлянскій воюе снова.

Шумлянскій не выжидалъ рѣшенія магис та гал цкого, но думалъ о мести и исполнилъ хотя инакше, якъ на горѣ Св. Юрской. Была дѣля. Церковь Рождества Христова въ Гал была биткомъ наполнена народомъ, выжид чимъ службы Божой, котру имѣлъ служити дыка Свистельницкій и который стоялъ уже престолѣ, облеченный въ ризы епископскіи, сослуженіи духовенства и нечалъ произно уже вступительныи молитвы, коли вдругъ вп въ церковь самъ Шумлянскій въ главѣ с гвардіи. Приближается прямо къ престолу гуе Свистельницкого публично простацкими вами, на конецъ выганяе владыку, духовны народъ изъ церкви, церковь приказуе опеч и кидае клятву на духовенство и народъ. В выкликало великое пригнобленье. Самого стельницкого поразила та неслыхана дер и зневага, якой еще никто изъ его попер ковъ не зазналъ, никто даже не слышалъ, ктось важился прогнати владыку священно ствующого отъ престола, а тѣмъ больше, т тои сневаги допустился другій владыка.

Тутъ и показалось, що въ душѣ Шу ского вселился не духъ Христовъ, духъ сми и всепрощенія — но духъ адскій, жадный к и мести. Тутъ онъ показалъ себе радше ур вымъ дикуномъ чѣмъ христіянскимъ влад Тькій злый примѣръ подорвалъ въ тогдаш русинахъ чувство чести, чувство сознанія есть добро, а що зло. И червонорусскій, нев прибитый народъ, чуючи клятву кинену на сталъ колебатися въ своемъ сужденіи а поп въ сомнѣніе и пытати себе! не по-правдѣ-л

ь ночи 21 іюля 1668 года надъ ранкомъ
ло мѣщанство галицкое съ Кропивниц-
ъ главѣ палату въ Крылосѣ а прочіи, съ
мъ крикомъ и шумомъ среди выстрѣловъ,
ся до середины палаты. Кропивницкій вы-
е другихъ и кричитъ неистово: „Пустѣтъ
самъ справлюся съ Шумляньскимъ! Впа-
комнаты, где спалъ Шумлянскій и стрѣ-
него — но коли не попалъ, стрѣляе съ
попалъ въ грудь Шумлянского, такъ що
тяжко ранилъ его. Мало сего — ранено-
гнули съ постели, били и ругали и сча-
о не забили. Онъ чуть не погибъ въ ту
Раненого брата его Самуила и службу
ли и такъ перестрашили, що она утѣкала
валась, где кто могъ. На мѣстцѣ лиши-
ишь побити — ранены, Мѣщане, яко по-
ли, ликовали и проклинали унію и ей сто-
овъ — іезуитовъ и пановъ.
ропивницкій ограбилъ Крылосъ до чиста.
аномъ двинулись въ дорогу нагруженныи
ю возы зъ двома плѣнниками, обома
нскими, повязанными. Того табора стере-
ардія Свистельницкого съ зятемъ его въ
Походъ ишолъ до села Пôдгоро-

о дорозѣ однако удалося обомъ братьямъ
нскимъ утечи и скритися. Якимъ спосо-
мъ то удалось, никто не могъ узнати. Мо-
орый изъ службы допомогъ имъ до того,
ктось, подкупленный золотомъ, порости-
отузы на плѣненыхъ — досыть що уда-
ъ утечи и уйти мести Свистельницкого и
ницкого. Коли то спостерѣгъ той послѣд-
ю не сошелъ съ ума отъ отчаянія. Поло-
го его якъ и тестя въ одной хвилѣ пере-
сь на гôрше, бо опасность изъ стороны
нского на ново теперь имъ грозила. Не
и нищо розôсланы въ погоню на всѣ сто-
юди — бѣглецовъ не нашли.
ба братя укрилися не далеко въ гущавинѣ
где просидѣли нѣсколько часовъ а послѣ
до Котовского, тогдашнего управителя
зъ Подгородьѣ, который приняль ихъ ра-

до до себе. Шумлянскій раненый отлежалъ тутъ якійсь часъ а Самуилъ, въ чужой одежѣ удался до магистрата галицкого, где внесъ протестъ и жалобу на Свистельницкого за нападъ, рабунокъ и оскорбленіе нанесенное чину епископскому брата.

Шумлянскій воюе снова.

Шумлянскій не выжидалъ рѣшенія магистрата галицкого, но думалъ о мести и исполнилъ еѣ, хотя инакше, якъ на горѣ Св. Юрской. Была недѣля. Церковь Рождества Христова въ Галичѣ была биткомъ наполнена народомъ, выжидаючимъ службы Божой, котру имѣлъ служити владыка Свистельницкій и который стоялъ уже при престолѣ, облеченный въ ризы епископскіи, въ сослуженіи духовенства и нечалъ произносити уже вступительныи молитвы, коли вдругъ впадае въ церковь самъ Шумлянскій въ главѣ своей гвардіи. Приближается прямо къ престолу и ругае Свистельницкого публично простацкими словами, на конецъ выганяе владыку, духовныхъ и народъ изъ церкви, церковь приказуе опечатати и кидае клятву на духовенство и народъ. Все то выкликало великое пригнобленье. Самого Свистельницкого поразила та неслыхана дерзость и зневага, якой еще никто изъ его попередниковъ не зазналъ, никто даже не слышалъ, щобы ктось важился прогнати владыку священнодѣйствующого отъ престола, а тѣмъ больше, щобы тои сневаги допустился другій владыка.

Тутъ и показалось, що въ душѣ Шумлянского вселился не духъ Христовъ, духъ смиренія и всепрощенія — но духъ адскій, жадный крови и мести. Тутъ онъ показалъ себе радше уродливымъ дикуномъ чѣмъ христіянскимъ владыкою. Тькій злый примѣръ подорвалъ въ тогдашныхъ русинахъ чувство чести, чувство сознанія, що есть добро, а що зло. И червонорусскій, неволею прибитый народъ, чуючи клятву кинену на себе, сталъ колебатися въ своемъ сужденіи а попадати въ сомнѣніе и пытати себе! не по-правдѣ-ли той

Шумлянскій есть правдивымъ владыкою? И ширилась одна лишь собразнь по червонорусской землѣ, такъ якъ не якіи тамъ панки-шляхтичи, но мужи духовныи — владыки до того — нападали одинъ на другого и вели съ оружіемъ въ руцѣ бой не на животъ а на смерть. А и сторонники обохъ владыкъ сводили межи собою битвы на свою руку, лилась невинна кровь въ тѣхъ битвахъ — обѣ стороны вносили що разъ новы жалобы то до трибуналу люблинского то до сойма или короля, списовалися цѣлыи кучи бумаги и хотяй тѣ трибуналы и король выдавали декреты, ни одна сторона ихъ не почитала, но одинъ и другій, заявляя себе оскорбленнымъ въ правахъ своихъ, волѣлъ доходити ихъ насиліемъ, щобы удовлетворити своему честилюбію и поставити на своемъ.

Така кôльколѣтна вôйна двохъ владыкъ вымагала много грошей, такъ якъ треба было нанятыхъ военныхъ людей оплачовати а тутъ и Шумлянскій и Свистельницкій истощили средства свои такъ, що не было чѣмъ дальше воевати. А коли подъ ту критичну для обохъ сторонъ, пору Янъ Казимиръ уступилъ изъ престола и не было, на разѣ, до кого заносити жалобы — рѣшили обѣ стороны въ 1669 г. погодитися, такимъ образомъ, що сторонѣ уступаючой сплатитъ другая сторона всѣ выдатки. Угода стала такъ зроблена, що Свистельницкій имѣлъ остати владыкою а Шумлянскому обязывался сплатити 160 тысячъ зл. польск. яко зворотъ коштôвъ.

Но нищо не выйшло изъ той угоды, такъ якъ Шумлянскій дѣйствовалъ не щиро и борьба вскорѣ закипѣла на ново еще гôрьше, чѣмъ до сихъ поръ. Къ той однакъ борьбѣ, послуговавшейся до теперь насиліемъ и оружіемъ старалися оба владыки примѣнити и хитрую агитацію, щобы передъ паствою доказати справедливость своихъ притязаній на владычій престолъ. Одинъ и другій старались передъ народомъ представити себе правымъ владыкою, а противника самозванцемъ. И такъ Шумлянскій попалъ на мысль удатися до патріарха александрійского.

Що задумалъ, то и сдѣлалъ и твердилъ его выборъ и далъ ему гр законному владицѣ. Довѣдавшися о тельницкій нуже собѣ старатися о так патріарха іерусалимского. Конечно тѣ рѣшили окончательно дѣла межи в его еще бôльше запутали. И одинъ б были признаны всѣмъ народомъ вла Шумлянскій сидѣлъ въ Львовѣ а Сви въ Галичѣ. Хотя оба прекратили во борьбу — за то сторонники Шумлян на улицяхъ Львова драки съ сторон стельницкого а то само дѣялося и в изъ того выходилъ одинъ соблазн терпѣла вѣра, нравственность и по русской.

Вглянувши глубше въ тогдашніи вія, увидимъ, що оба тѣ владыки пре въ той междуусобицѣ двѣ церкви: во западную — представляютъ два свѣт востокъ и латинскій западъ. Сторо стельницкого представляли, якъ онъ са сточную греческую церковь — правос ронники же Шумлянского представл западъ — церковь римскую.

И продолжалась такая собразните на обохъ владыкъ черезъ нѣсколько л рила матеріально обохъ Свистельниц палъ совершенно на здоровью отъ в волненій, ажъ тутъ вдругъ надходитъ радостная вѣсть, що въ Варшавѣ выда заочный, которымъ признано престол въ Львовѣ ему, Свистельницкому. По Яна Казимира былъ королемъ избра Вишневецкій, сынъ Іереміи (съ русско онъ то выдалъ такое рѣшеніе въ кор стельницкого.

Но щоже съ того, коли и тутъ сила передъ правомъ. Щоже у Шумлян шого ротмистра, значитъ декретъ якій вый! Возный, высланый отъ Свисте который долженъ былъ обвѣстити варшавскій публично, мало що житьем тился изъза своей службы. Розгнѣван

ій есть правдивымъ владыкою? И ши-
на лишь собразнь по червонорусской
ъ якъ не якіи тамъ панки шляхтичи, но
вныи, — владыки до того — нападали
другого и вели съ оружіемъ въ руцѣ
животъ а на смерть. А и сторонникп
адыкъ сводили межи собою битвы на
, лилась невинна кровь въ тѣхъ бит-
ѣ стороны вносили що разъ новы жа-
о трибуналу люблинского то до сойма
я, списовалися цѣлыи кучи бумаги и
трибуналы и король выдавали декреты,
орона ихъ не почитала, но одинъ и
являя себе оскорбленнымъ въ правахъ
олѣлъ доходити ихъ насиліемъ, щобы
рити своему честилюбію и поставити на

кôльколѣтна вôйна двохъ владыкъ вы
ого грошей, такъ якъ треба было паня-
ныхъ людей оплачовати а тутъ и Шум-
Свистельницкій истощили средства
що не было чѣмъ дальше воевати. А
ту критичну. для обохъ сторонъ, пор
иръ уступилъ изъ престола и не было,
до кого заносити жалобы — рѣшили
ы въ 1669 г. погодитися, такимъ обра-
сторонѣ уступаючой сплатитъ другая
ѣ выдатки. Угода стала такъ зробле-
истельницкій имѣлъ остати владыкою
скому обязывался сплатити 160 тысячъ
яко зворотъ коштôвъ.
що не выйшло изъ той угоды, такъ
янскій дѣйствовалъ не щиро и борьба
кипѣла на ново еще гôрьше, чѣмъ до
Къ той однакъ борьбѣ, послуговав-
теперь насиліемъ и оружіемъ старали-
дыки примѣнити и хитрую агитацію,
передъ паствою доказати справе-
своихъ притязаній на владычій пре-
динъ и другій старались передъ
представити себе правымъ влады-
отивника самозванцемъ. И такъ Шум-
палъ на мысль удатися до патріарха
йского.

Що задумалъ, то и сдѣлалъ и тотъ подтвердилъ его выборъ и далъ ему грамоту, яко законному владицѣ. Довѣдавшися о томъ Свистельницкій нуже собѣ старатися о таку грамоту у патріарха іерусалимского. Конечно тѣ грамоты не рѣшили окончательно дѣла межи владыками, а его еще бôльше запутали. И одинъ и другій не были признаны всѣмъ народомъ владыками; и Шумлянскій сидѣлъ въ Львовѣ а Свистельницкій въ Галичѣ. Хотя оба прекратили вооруженную борьбу — за то сторонники Шумлянского вели на улицяхъ Львова драки съ сторонниками Свистельницкого а то само дѣялося и въ Галичѣ а изъ того выходилъ одинъ соблазнъ, на чѣмъ терпѣла вѣра, нравственность и повага церкви русской.

Вглянувши глубше въ тогдашніи происшествія, увидимъ, що оба тѣ владыки представляютъ въ той междуусобицѣ двѣ церкви: восточную и западную — представляютъ два свѣти: русскій востокъ и латинскій западъ. Сторонники Свистельницкого представляли, якъ онъ самъ — восточную греческую церковь — православіе, сторонники же Шумлянского представляли собою западъ — церковь римскую.

И продолжалась такая собразнительная вôйна обохъ владыкъ черезъ нѣсколько лѣтъ и розорила матеріально обохъ Свистельницкій подъупалъ совершенно на здоровью отъ внутреннихъ волненій, ажъ тутъ вдругъ надходитъ неожиданно радостная вѣсть, що въ Варшавѣ выдано вырокъ заочный, которымъ признано престолъ владычій въ Львовѣ ему, Свистельницкому. По уступленью Яна Казимира былъ королемъ избраный князь Вишневецкій, сынъ Іереміи (съ русского роду) и онъ то выдалъ такое рѣшеніе въ корысть Свистельницкого.

Но щоже съ того, коли и тутъ выступила сила передъ правомъ. Щоже у Шумлянского, бывшого ротмистра, значитъ декретъ якійсь паперовый! Возьный, высланый отъ Свистельницкого, который долженъ былъ обвѣстити той вырокъ варшавскій публично, мало що житьемъ не поплатился изъза своей службы. Розгнѣваный до край-

ности Шумлянскій мало що не убилъ возьного власноручно, и комисіи, назначенной вырокомъ варшавскимъ, не впустилъ во внутрь церкви галицкой. И такъ справа, мимо вырокôвъ варшавскихъ, стояла дальше на мѣстцѣ не рѣшенною.

Подобно якъ съ обома владыками дѣялося въ давной Польщѣ всюды, и тому пошла пословиця, котра характеризовала тогдашніи отношенія и своеволіе шляхты. — W naszej Polsce jak kto chce! — говорила гордо шляхта. И по истинѣ — въ Польщѣ робилъ шляхтичъ, що захотѣлъ. Въ той Польщѣ не обязывали собственно законы, ибо никто ихъ не исполнялъ, даже сами короли не держались законовъ, — не было даже и поваги королевской. Гордый, колотливый шляхтичъ постоянно процесовался и воевалъ съ другимъ, щобы догодити своему личному честолюбію и суетности; бывало, когда съѣхалось двохъ трехъ такихъ шляхтичей, приходило при куфляхъ меду до спора и драки на саблѣ — обтинали собѣ носы, рубали собѣ запитыи лбы и гордились тѣмъ, що въ Польщѣ свобода, що кождый робитъ, що хоче.

Противъ вырока королевского выслалъ Шумлянскій рѣшеніе собранія своихъ сторонниковъ, которое состоялось въ сентябрѣ 1671 года, въ Львовѣ. пріятели и сторонники Шумлянского заявили, що декрета королевского не узнаютъ. Однако борьба наскучила обомъ сторонамъ и заключено съ Свистельницкимъ договоръ — и тѣмъ разомъ нещирый. Силою того договора Шумлянскій отрекся будто отъ престола владычого за цѣну 2000 зл. п. рôчной пенсіи. Былъ то однако обманъ. Шумлянскій мимо договора выступалъ дальше яко владыка и докладалъ всѣхъ усилій, щобы вырокъ варшавскій отмѣнити. И то удалося Шумлянскому.

Мы видѣли уже, що король попередный Янъ Казиміръ подтвердилъ грамоту и Свистельницкому на владычій престолъ а не задолго выставилъ таку саму грамоту и Шумлянскому а першу грамоту откликалъ яко не важну. Подобно сталося и теперь. Старанія Шумлянского вѣнча-

лись успѣхомъ въ его корысть. К
Вишневецкій пожаловалъ въ 1672
му привилей передаючій „цѣло
львовское“ въ руки того челов
ньемъ, щобы онъ обнялъ уже
сдѣлалъ порядокъ въ эпархіи, К
ли о содержанью того привилея,
Вотъ, славити Господа, прійде, у
той соблазнительной борьбѣ дво
но гдѣ тамъ!

Незадолго удалося и Свисте
лучити такій же привилей изъ ка
левской. Видно, що вороги Руси
скомъ дворѣ хотѣли, абы Русины
безпрестанно колотились, бились
уничтожали. И вотъ новая неожи
Шумлянского! Щобы не тратити
онъ заразъ въ Варшаву, ходитъ по
и своихъ протекторахъ и удается
съ собою другі привилей. И был
не одни таки грамоты и привилеи
привозили до краю, если бы смерть
кого не положила была тому конца

Вотъ наглядный передъ нами
сознанія справедливости въ тогдаш
примѣръ, якъ ничтожная была влас
даже самого короля, якъ малою бы
при неограниченной самоволи буй
Читаешь такіи рѣчи и прямо не
Но умеръ король Мих Вишне
престолъ вступилъ Янъ Собѣскій
вымъ блескомъ засіяла звѣзда
такъ якъ онъ былъ личнымъ пріят
тому могъ на певно числити, що
справа рѣшится для него корис
рѣшеніе справы двохъ владыкъ
не брался а борьба обохъ влад
притихла. Шумлянскому пору
король одну дипломатичну

[illegible] дипломатіею [illegible]
[illegible] державы съ другою [illegible]
[illegible]

му привилей передає „львовское“ въ руки того человѣка, съ порученьемъ, щобы онъ обнялъ уже разъ каѳедру и сдѣлалъ порядокъ въ эпархіи. Коли люди узнали о содержанью того привилея, подумали собѣ: Вотъ, славити Господа, прійде уже разъ конецъ той соблазнительной борьбѣ двохъ владыкъ — но гдѣ тамъ!

Незадолго удалося и Свистельницкому получити такій же привилей изъ канцеляріи королевской. Видно, що вороги Руси на королевскомъ дворѣ хотѣли, абы Русины межь собою безпрестанно колотились, бились и себе сами уничтожали. И вотъ новая неожиданность для Шумлянского! Щобы не тратити времени, ѣде онъ заразъ въ Варшаву, ходитъ по канцеляріяхъ и своихъ протекторахъ и удается ему привести съ собою другі привилей. И были бы може еще не одни таки грамоты и привилеи отъ короля привозили до краю, если бы смерть Свистельницкого не положила была тому конца.

Вотъ наглядный передъ нами примѣръ ладу, сознанія справедливости въ тогдашней Польщѣ — примѣръ, якъ ничтожная была власть въ рукахъ даже самого короля, якъ малою была повага его при неограниченной самоволи буйной шляхты! Читаешь такіи рѣчи и прямо не хочеся вѣрити.

Но умеръ король Мих. Вишневецкій а на престолъ вступилъ Янъ Собѣскій и теперь новымъ блескомъ засіяла звѣзда Шумлянского, такъ якъ онъ былъ личнымъ пріятелемъ короля и тому могъ на певно числити, що ажъ теперь его справа рѣшится для него корыстно. — Но за рѣшеніе справы двохъ владыкъ королъ сейчасъ не брался а борьба обохъ владыкъ на якійсь часъ притихла. Шумлянскому поручилъ былъ новый король одну дипломатичну*) задачу — а то

*) Подъ дипломатіею розумѣеся веденіе переговоровъ одной державы съ другою и управильненье отношеній между ними.

вести переговоры съ тогдашнимъ гетманомъ козацкимъ, Дорошенкомъ. — Шумлянскій поѣхалъ въ Чигиринъ до гетмана, а вернувши доперва засѣлъ на престолѣ владычôмъ. Уже была тота осмилѣтна борьба двохъ владыкъ многимъ надоѣла; надоѣла она и сторонникамъ одного и другого владыки и тому то не удивитъ никого, що великая часть сторонникôвъ Свистельницкого опустила его. Розоренный на имѣніи, опущеный черезъ своихъ протекторовъ, онъ перенесся въ вѣчность въ Галичѣ въ 1676 г.

Шумлянскій одинъ владыкою львовскимъ.

Такъ теперь Шумлянскій не имѣлъ соперника. Овладѣвши престоломъ, считалъ первымъ своимъ дѣломъ написати письмо къ папѣ тогдашнему, Иннокентію XI-ому, въ которомъ заповѣдае, що его діэцезія, по его почину, приступитъ до уніи съ Римомъ. Здавало бы ся, що будетъ конецъ розсказу нашему со вступленьемъ Шумлянского на престолъ но такъ оно не есть. И можно бы написати еще грубу книжку о Шумлянского подвигахъ и о той соблазни, яку дальше по смерти Свистельницкого ширилъ черезъ всю жизнь свою гой владыка.

Г. 1676 напали были турки на Червоную Русь. Король собиралъ численныи войска напротивъ нихъ. Въ краю было движеніе, всякій шляхтичъ ладился на вôйну съ бисурманомъ. Заграла и въ нашôмъ владыцѣ давна военна кровь и ôнъ не выдержалъ, ôнъ яко владыка товаришилъ королю Іоанну III. въ выправѣ журавенской. Тутъ подъ Журавномъ, въ время сраженія, куля вымѣренная въ окруженіи короля, убила его дьячка, Петруся, стоявшого коло владыки. Было то 27 (29) сентября въ латинскій праздникъ св. Михаила. Военный духъ его не опускалъ и дальше. Въ 1683 г. онъ съ королемъ Яномъ III отправился подъ Вѣдень и тутъ турецкая куля попала ему въ лѣвое рамя и ранила его тяжко. Обѣ кули велѣлъ владыка завѣсити на чудотворной иконѣ Божей Матери, которую изъ Теребовли перевезъ въ

вести переговоры съ тогдашнимъ гетманомъ козацкимъ, Дорошенкомъ — Шумлянскій поѣхалъ въ Чигиринъ до гетмана, а вернувши доперва засѣлъ на престолѣ владычôмъ. Уже была тота осмилѣтна борьба двохъ владыкъ многимъ надоѣла; надоѣла она и сторонникамъ одного и другого владыки и тому то не удивитъ никого, що великая часть сторонникôвъ Свистельницкого опустила его. Розоренный на имѣніи, опущеный черезъ своихъ протекторовъ, онъ перенесся въ вѣчность въ Галичѣ въ 1676 г.

Шумлянскій одинъ владыкою львовскимъ.

Такъ теперь Шумлянскій не имѣлъ соперника. Овладѣвши престоломъ, считалъ первымъ своимъ дѣломъ написати письмо къ папѣ тогдашнему, Иннокентію XI-ому, въ которомъ заповѣдае, що его діэцезія, по его почину, приступитъ до уніи съ Римомъ. Здавало бы ся, що будетъ конецъ розсказу нашему со вступленьемъ Шумлянского на престолъ но такъ оно не есть. И можно бы написати еще грубу книжку о Шумлянского подвигахъ и о той соблазни, яку дальше по смерти Свистельницкого ширилъ черезъ всю жизнь свою гой владыка.

Г. 1676 напали были турки на Червоную Русь. Король собиралъ численныи войска напротивъ нихъ. Въ краю было движеніе, всякій шляхтичъ ладился на вôйну съ бисурманомъ. Заграла и въ нашôмъ владыцѣ давна военна кровь и ôнъ не выдержалъ, ôнъ яко владыка товаришилъ королю Іоанну III. въ выправѣ журавенской. Тутъ подъ Журавномъ, въ время сраженія, куля вымѣренная въ окруженіи короля, убила его дьячка, Петруся, стоявшого коло владыки. Было то 27 (29) сентября въ латинскій праздникъ св. Михаила. Военный духъ его не опускалъ и дальше. Въ 1683 г. онъ съ королемъ Яномъ III отправился подъ Вѣдень и тутъ турецкая куля попала ему въ лѣвое рамя и ранила его тяжко. Обѣ кули велѣлъ владыка завѣсити на чудотворной иконѣ Божей Матери, которую изъ Теребовли перевезъ въ

церковь Св. Юрскую. Тѣ кули позднѣйше были перенесены въ монастырь св. Онуфрія въ Львовѣ и тамъ сберегаются. Въ 1702 г., когда шведскій король Карлъ XII вторгнулся въ Польщу, Шумлянскій тоже поспѣшилъ на поле битвы подъ Клишовомъ, щобы помогати королю Августу II. Но король ужасное потерпѣлъ пораженіе, а самъ Шумлянскій едва спасъ свою жизнь утѣкаючи изъ поля битвы, ажъ опинился въ Св. Юрѣ.

Шумлянскій принимаетъ унію. Принятіе уніи перемышльской епархіей.

Коли Іосифъ Шумлянскій добивался епископского престола, увѣрялъ каждого короля и вліятельныхъ на его дворѣ лицъ, що прійметъ, ставши владыкою, унію съ Римомъ. И дѣйствительно въ 1677 г. присягнулъ въ Варшавѣ передъ королемъ Яномъ III. на вѣрность папѣ римскому. Тотъ свой шагъ старался онъ сохранити поки въ тайнѣ. Однако узнали о томъ львовскіи мѣщане и когда въ слѣдующемъ году онъ въ Успенской церкви Ставропигійского братства хотѣлъ уставити свой тронъ и завести цензуру книгъ печатаемыхъ въ типографіи братства, то братство не позволило ему ни тронъ уставляти, ни исполняти якую нибудь власть надъ собою. Шумлянскій обжаловалъ братство передъ королемъ и начался процесъ, который вконцѣ братство выграло, заплативши королю 3630 золотыхъ польскихъ.

Въ 1681 г. присягнулъ Шумлянскій вторый разъ на унію въ Варшавѣ передъ королемъ вмѣстѣ съ архимандритомъ уневского монастыря, Варлаамомъ Шептицкимъ. При сложенью присяги присутствовали уніатскій митрополитъ Зуховскій и гетманъ великій коронный Станиславъ Яблоновскій. Оба присягающіи застерегли собѣ, що та присяга останется въ тайнѣ, ибо боялись народа, преданного православію.

Тотъ народъ якъ Шумлянскій, такъ и польское правительство старались постепенно наклонити къ уніи. На соймѣ коронаційномъ въ Краковѣ,

въ 1676 г. была изданная конституція, т. е. право, которымъ запрещалось православнымъ подъ карою смерти и конфискаты имѣнія выѣзжати за границу въ дѣлахъ ихъ вѣры и имѣти сношенія съ цареградскимъ патріархомъ. Тою конституціею всѣ церковныи братства, даже Ставропигійское поддавалось юрисдикціи епископовъ; апеляція отъ епископовъ должна была предлагатись королю, а не патріарху въ Цареградѣ. Такъ въ дѣлахъ православнои церкви имѣлъ рѣшати въ послѣдней инстанціи король. Запрещеніе имѣти сношенія въ дѣлахъ церковныхъ съ заграницей касалось головно монастырей, монахи которыхъ то отправлялись въ Москву за милостиней, то на гору Аѳонъ, то въ Цареградъ. Изъ численныхъ тогда червонорусскихъ монастырей особенно выдавались своимъ значеніемъ Угорницкій и Скитъ Манявскій. Тѣ монастыри, вмѣстѣ съ львовскимъ мѣщанствомъ, найбольше поддерживали православіе.

Запрещеніе православнымъ имѣти сношенія съ границей дѣйствительно улегчило приготовленіе народа къ принятію уніи. Тотъ народъ войнами, переходомъ войскъ, угнетеніемъ былъ изнуженъ и его енергія въ защитѣ православія ослабѣла. Коли то замѣтилъ Іосифъ Шумлянскій, въ 1700 г., въ день св. Тройцы, въ костелѣ капуциновъ въ Варшавѣ явно, третій разъ, присягнулъ на унію въ присутствіи апостольского нунція и кардинала-примаса Радзѣёвского.

Коли вернулъ до Львова, гетманъ коронный Станиславъ Яблоновскій далъ ему свое войско и при помощи тогоже Шумлянскій насильственно овладѣлъ церквою Ставропигійского братства и въ ней поставилъ свой тронъ.

Противъ того насилія возстали русскіи мѣщане—пришло до новыхъ безпокойствъ. Въ Варшаву поѣхала депутація отъ братства, которая выхлопотала у короля приказъ для Шумлянского, щобы братство оставилъ въ покоѣ при его вѣрѣ и давныхъ свободахъ. Однако спокоя мѣщане добитись немогли а видячи невозможность вести дальше борьбу съ могущественнымъ епископомъ, въ 1708 г. приняли унію, застерегаючи собѣ, абы

Ставропигійское братство съ монастыремъ св. Онуфрія подлягало не власти епископа, а непосредственно римскому престолу.

Духовенство и монастырь львôвской епархіи, за изъятіемъ Скита Манявского, поддались волѣ епископа и подчинились Риму. Одинъ Скитъ Манявскій остался православнымъ, поки австрійскимъ цѣсаремъ Іосифомъ II не былъ скасованый.

Въ львовской епархіи православіе тѣмъ меньше могло держатись, що десять лѣтъ раньше унія принялась отъ части въ перемышльской епархіи подъ епископомъ Иннокентіемъ Винницкимъ. Иннокентій Винницкій, подобно Шумлянскому, молодикомъ также служилъ въ войску и отличился въ не одномъ сраженіи. Онъ также шляхтою русскою и духовенствомъ былъ избранъ епископомъ, хотя не былъ священникомъ. Избранный епископомъ, онъ сложилъ монашескій обѣтъ, получилъ рукопоставленіе въ іереи и только тогда могъ быти посвященъ въ епископы. То посвященіе совершилъ точно Іосифъ Шумлянскій въ Крылосѣ подъ Галичемъ въ 1680 г.

Онъ въ 1681 г. вмѣстѣ съ Шумлянскимъ въ Варшавѣ передъ папскимъ нунціемъ сложилъ католическое исповѣданіе вѣры и принялъ унію, но не признавался до того передъ своею паствою. Однако его паства и духовенство узнали о томъ и требовали отъ него, щобы отказался отъ своего намѣренія поддати епархію Риму. Не смотря на то, Винницкій въ 1686 г. вторый разъ присягнулъ въ Варшавѣ на унію — тоже тайно. Между тѣмъ старался онъ повліяти на свое духовенство и приклонно его успособити для уніи и довели до того, що часть духовенства епархіи уполномочила его заявити публично о принятіи нею уніи съ Римомъ. То онъ и сдѣлалъ 21 іюня 1691 г. въ Варшавѣ. Однако большая часть духовенства и міряне о такой перемѣнѣ и слышати не хотѣли, Тогда Винницкій употребилъ насиліе, въ чемъ ему польское правительство допомогло, отдаючи въ его розпорядимость вооруженную силу. При введеніи уніи произошли волненія въ Сяноку, Стрыѣ, Комарнѣ и другихъ городахъ; въ нихъ мѣщане опирались принятію уніи. Изъ шляхетскихъ ро-

довъ особенно Чайковскіи и Погорецкіи защищали православіе. Въ перемышльской епархіи доперва около 1760 года, можно сказати, прекратилось православіе.

Иннокентій Винницкій умеръ трагическою смертью. Въ началѣ 1700 г. онъ пріѣхалъ въ Львовъ, щобы лѣчитись на опухлыи ноги. Врачи предписали, обвинути ноги перевязками, намоченными въ спиртѣ. Въ день 24 февраля хирургъ исполнялъ предписаніе врачей и обвивалъ перевязки, но не имѣя ножицъ, хотѣлъ нитку при бандажѣ свѣчею перепалити. Спиртъ въ бандажѣ тотчасъ воспламенѣлъ, хирургъ же настрашившись утѣкъ, оставляя епископа самого, одежда которого скоро загорѣла. На крикъ его сбѣглась служба, притушила на немъ огонь, но онъ такъ былъ попареный, що принявъ св. Тайны, въ неизреченныхъ боляхъ умеръ.

Алексѣй Васильевичъ
КОЛЬЦОВЪ.

ИЗДАНІЯ ОБЩЕСТВА имени МИХ. КАЧКОВСКОГО.

Мѣсяцъ: Декабрь 1909. Ч. 408.

Алексѣй Васильевичъ

КОЛЬЦОВЪ

русскій поэтъ-крестьянинъ.

Написалъ

С. Ю. Бендасюкъ,

пожизненный членъ Общества им. М. Качковского.

ДВА ВЛАДЫКИ

(Историческій розсказъ)

..... Написалъ Р. В. .....

ЛЬВОВЪ 1909.
Типографіи Ставропигійского Института.
подъ управленіемъ М. Рефця.

За редакцію отвѣчае: Филиппъ Ив. Свистунъ.

за 1 кор.
ЛѢКАРСКІЙ
ПОРАДНИКЪ
можна получити въ канцеляріи Общества и Ставропигійской книгарнѣ.

30 гел.
НАРОДНЫЙ
РУССКІЙ ПѢСНИ
можна получити въ канцеляріи Общества и Ставропигійской книгарнѣ.

ВАЖНОЕ

для священниковъ и церковныхъ пѣвцевъ

Понеже Общество им. Мих. Качковского взяло себѣ за цѣль старатись и о религійное поднесеніе нашого народа, а тоже о поднесеніе его любови къ церковному обряду, для того отъ поры до времени издае книжечки и религійного содержанія, а въ календарахъ умѣщае на каждый годъ „*Указанія изъ церковного устава*". Оказалось однако для многихъ не практично имѣти тіи *указанія* въ календарѣ, або календарь потребный головно дома, церковный уставъ въ церквѣ.

Длятого якъ въ прошломъ такъ и въ томъ году издало Общество **Указанія изъ церковного устава на 1910 г.** отдѣльною книжечкою, по цѣнѣ 30 г. за примѣрникъ, уже разомъ съ оплатою почтовой пересылки. Запасъ тѣхъ книжечокъ дуже маленькій. Изволятъ протоіереи, священники и церковныи пѣвцы, которыя хотятъ имѣти церковный уставъ отдѣльною книжечкою, — поспѣшились съ замовленіями.

Належитость (30 гел.) можна посылати и почтовыми значками, въ коверти.

30 гел.
МІСЯЧНИКЪ
ПОРАДНИКЪ
можна получити въ канцеляріи Общества и Ставропигійской книгарнѣ.

БОГО
ПОСЕЩАЮЩІЕ
подмога значна на сложеніе
пругыми пановъ, мамушки,
кавелиный, учоны и прот.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 066487445